

Митрополит
Волоколамский
Иларион
(Алфеев)

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Иларион (Алфеев)

**Церковь в истории.
Православная Церковь от
Иисуса Христа до наших дней**

«ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ»

2017

УДК 27
ББК 86.37

(Алфеев) И.

Церковь в истории. Православная Церковь от Иисуса Христа до наших дней / И. (Алфеев) — «ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ», 2017

ISBN 978-5-88017-341-9

Настоящая книга представляет собой краткое изложение исторического пути Православной Церкви, насчитывающего двадцать столетий. Обращение к историческому опыту православия никогда не может быть лишним, поскольку мы сами погружены в историю и являемся ее частью. Современное бытие Православной Церкви основано на ее историческом опыте. Православие исторично по самой своей сути, оно укоренено в истории: вне исторического контекста невозможно понять своеобразие Православной Церкви, ее догматического учения и канонического устройства, ее богослужебного строя и социальной доктрины. Поэтому обращение к истории, к истокам имеет для нас не только познавательное, но и воспитательное, духовное значение.

УДК 27

ББК 86.37

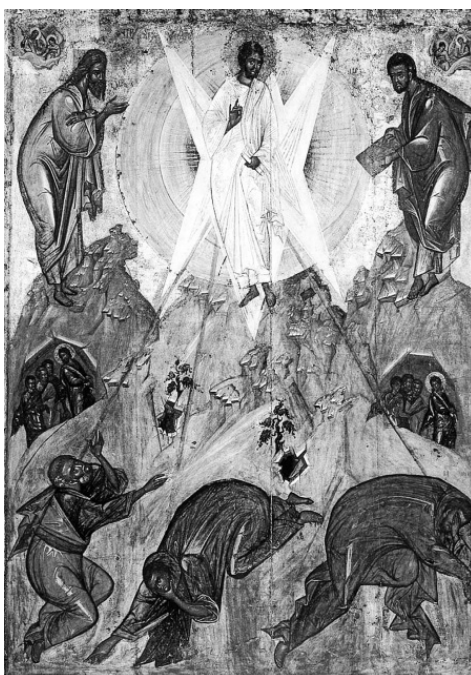
ISBN 978-5-88017-341-9

© (Алфеев) И., 2017
© ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ, 2017

Содержание

Предисловие	7
Раздел I	8
1. Раннее христианство	8
Христос – основатель Церкви	8
Апостольская община	11
Эпоха мученичества	17
Ранне-христианская письменность	21
2. Эпоха Вселенских Соборов	30
Тринитарные споры	30
Христологические споры	34
Иконоборческий спор	39
Значение Вселенских Соборов в истории христианства	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Митрополит Волоколамский
Иларион (Алфеев)
Церковь в истории. Православная
Церковь от Иисуса Христа до наших дней**

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р17-713-0539

ПОЗНАНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Издание осуществлено при содействии Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия

© Митрополит Иларион (Алфеев), текст, 2017

© Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, оригинал-макет, 2017

© Издательский дом «Познание», 2017

Предисловие

Настоящая книга представляет собой краткое изложение исторического пути Православной Церкви, насчитывающего двадцать столетий.

По истории Православной Церкви написано достаточное количество исследований на русском языке. Существует обширная литература, посвященная отдельным периодам жизни Православной Церкви, отдельным персоналиям, истории догматических движений и богословских споров, монашества и богослужения. История Русской Православной Церкви получила широкое и многообразное освещение в трудах отечественных и зарубежных ученых. К уже написанному и сказанному трудно добавить что-то принципиально новое, если речь идет не о специальном исследовании, а об историческом очерке общего характера, каковым является настоящая книга.

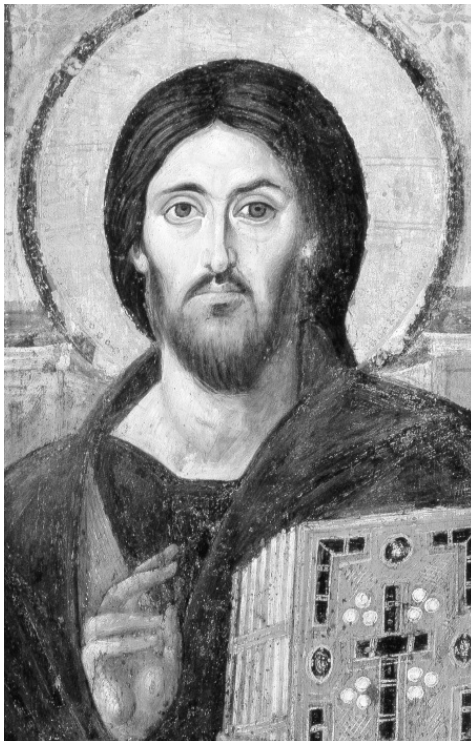
И все же обращение к историческому опыту православия никогда не может быть лишним, поскольку мы сами погружены в историю и являемся ее частью и каждая эпоха ставит перед Церковью и перед нами, ее членами, новые задачи. По слову апостола Петра, на эти вызовы времени мы должны быть *всегда готовы... дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Пет. 3, 15).

Современное бытие Православной Церкви основано на ее историческом опыте. Православие исторично по самой своей сути, оно укоренено в истории: вне исторического контекста невозможно понять своеобразие Православной Церкви, ее догматического учения и канонического устройства, ее богослужбного строя и социальной доктрины. Поэтому обращение к истории, к истокам имеет для нас не только познавательное, но и воспитательное, духовное значение.

† Митрополит Волоколамский Иларион

Раздел I

Первое тысячелетие

1. Раннее христианство

Христос – основатель Церкви

У истоков христианской истории стоит неповторимая и загадочная личность Иисуса Христа – Человека, Который объявил Себя Сыном Божиим. Конфликт вокруг личности и учения этого Человека начался еще при Его жизни и продолжается уже почти двадцать веков. Одни признают Его Богом воплотившимся, другие – Пророком, незаслуженно возвеличенным Своими учениками, третьи – выдающимся Учителем нравственности, четвертые утверждают, что такого Человека вообще не было. Иисус не оставил после Себя никаких писаний, никакого видимого доказательства Своего присутствия на земле. Осталась лишь группа учеников, которую Он назвал Церковью.

Церковь синонимична христианству: невозможно быть христианином и не быть членом Церкви. «Христианства нет без Церкви», – пишет священномученик Иларион (Троицкий)¹. «Христианство *есть* Церковь», – говорит протоиерей Георгий Флоровский². Христианство никогда не существовало без Церкви и вне Церкви. Последовать за Христом всегда

¹ Иларион (Троицкий), *сщмч.* Творения: в 3 т. М., 2004. Т. 2. С. 192.

² Флоровский Г., *протп.* Дом Отчий // Флоровский Г. В. Избранные богословские статьи. М., 2000. С. 10. Курсив автора.

означало вступить в общину Его учеников, стать христианином всегда означало стать членом Тела Христова:

Христианство существовало с самого начала как корпоративная реальность, как община. Быть христианином означало принадлежность к общине. Никто не мог быть христианином сам по себе, как отдельный индивидуум, но только совместно с «братьями», только в совокупности с ними. *Unus Christianus – nullus Christianus* (один христианин – не христианин). Личные убеждения и даже жизненный уклад еще не делают человека христианином. Христианское существование предполагает и подразумевает включенность, членство в общине³.

Христианство несводимо ни к нравственному учению, ни к богословию, ни к каноническим правилам, ни к богослужению. Не является оно и совокупностью всего перечисленного. Христианство есть откровение личности Богочеловека-Христа через Его Церковь:

В Церкви содержится и преподается учение, «догматы Божии», предлагается «правило веры», чин и устав благочестия. Но сама Церковь есть нечто неизмеримо большее. Христианство есть *не только учение о спасении, но само спасение*, единожды совершенное Богочеловеком... В православном сознании Христос есть прежде всего Спаситель, – не только «Учитель благий» и не только Пророк, но более всего – Царь и Первосвященник, «Царь мира и Спас душ наших». И спасение заключается не столько в благовестии Царствия Небесного, сколько именно в Богочеловеческом лике Самого Господа и в деле Его, в Его «спасительной страсти» и «животворящем кресте», в Его смерти и воскресении⁴.

Церковь является хранительницей учения Христа и продолжательницей Его спасительного дела. Она – место живого присутствия Христа, вместилище Его благодати. Но не столько Церковь спасает людей посредством благодати Христовой, сколько Христос спасает людей посредством Церкви. Через Церковь Христос продолжает Свое спасительное дело, которое, совершившись один раз в прошлом, не перестает совершаться в настоящем. Не однажды только преподал Он своим ученикам Тело и Кровь Свои, но всегда преподает их верным в таинстве Евхаристии. Не однажды спас Он человечество Своим крестным страданием, смертью и воскресением, но всегда спасает. И Церковь воспринимает события из жизни Христа не как факты прошлого, но как события непреходящего значения, не имеющие конца во времени.

Именно поэтому в богослужениях, посвященных событиям из жизни Христа, столь часто употребляется слово «днесь»: «днесь Христос в Вифлееме рождается от Девы»⁵, «днесь Владыка твари предстоит Пилату»⁶, «днесь спасение миру бысть, поем Воскресшему из гроба»⁷. Здесь мы имеем дело не просто с церковной риторикой: Церковь – это вечно днесьеся «днесь», никогда не прекращающееся откровение Иисуса Христа как Бога и Спасителя. Жизнь, страдания, смерть и воскресение Христа актуализируются в опыте Церкви: вновь и вновь переживает она эти этапы Божественного домостроительства. И через Церковь христиане приобщаются не только к учению Христа, не только к Его благодати, но и к Его жизни, смерти и воскресению. Домостроительство спасения, совершенное Христом, становится реальностью для верующего, а события из жизни Христа – фактами собственной духовной биографии христианина, который через Церковь опытно приобщается ко Христу, лично узнает Его.

³ Флоровский Г., *протп.* Церковь: ее природа и задача // Флоровский Г. В. Избранные богословские статьи. С. 188.

⁴ *Он же.* Дом Отчий // Флоровский Г. В. Избранные богословские статьи. С. 10–11. Курсив автора.

⁵ Минея праздничная. Рождество Христово. Утренняя. Стихира на хвалитех.

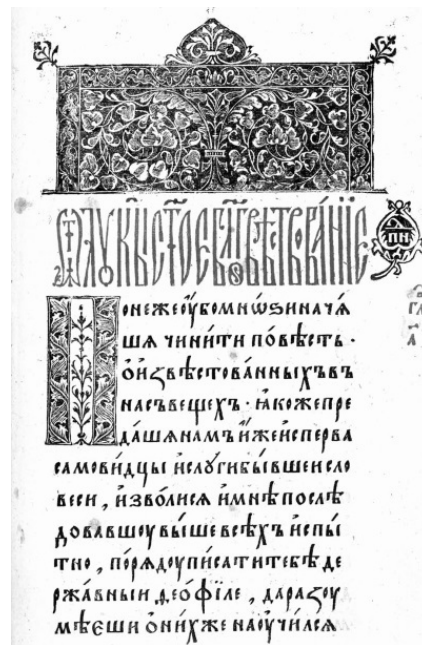
⁶ Триодь постная. Великая Пятница. Вечерняя. Стихира на «Господи, воззвах».

⁷ Октоих. Воскресенье 1, 3, 5, 7 гласа. Утренняя. Тропарь по славословию.

Православные христиане с благоговением читают Новый Завет как собрание книг, повествующих о жизни и учении Христа, об основании Им Церкви и о первых годах ее исторического бытия. Но они не считают, что Церковь, основанная Христом две тысячи лет назад, была чем-то принципиально иным в сравнении с той Церковью, членами которой они являются сегодня. Христос с той же полнотой являет Себя верующим через сегодняшнюю Церковь, с какой Он являл Себя Своим ученикам: Его присутствие не умалилось, Его благодать не оскудела, Его спасительная сила не иссякла и не убавилась.

Канон Нового Завета включает четыре Евангелия – от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Первые три Евангелия в науке называются «синоптическими», потому что в них много сходного, местами текстуально идентичного материала, они подчинены одной и той же хронологической последовательности и описывают в основном одни и те же события. Четвертое Евангелие стоит особняком – оно написано как бы в дополнение к первым трем и останавливает внимание читателя не столько на чудесах и притчах Христа, сколько на богословском смысле Его жизни и учения.

Между Евангелистами имеются некоторые разногласия: например, Матфей рассказывает об исцелении двух бесноватых (см.: Мф. 8, 28–34), а в параллельных повествованиях Марка и Луки говорится об исцелении одного бесноватого; свидетельства четырех евангелистов о посещении женами-мироносицами пустого гроба после воскресения Христа разнятся в деталях. Однако все эти и подобные разногласия объясняются тем, что об одних и тех же событиях писали разные люди, из которых одни были очевидцами событий, другие рассказывали о них с чьих-то слов, повествования составлялись много лет спустя после описываемых событий. Наличие небольших разногласий лишь увеличивает достоверность рассказа евангелистов, свидетельствуя о том, что между ними не было сговора. Что же касается разногласий по существу, то таких между евангелистами нет.

Начало Евангелия от Луки (напрестольное Евангелие сер. XVI века)

Слово «Церковь» упоминается в Евангелиях лишь однажды, но это упоминание имеет ключевое значение для развития христианского учения о Церкви. В Евангелии от Матфея рассказывается о том, как, проходя через страны Кесарии Филипповой, Иисус спросил Своих учеников: «За кого почитают Меня люди?» Ученики ответили: «одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков». Иисус спросил: «А вы за кого

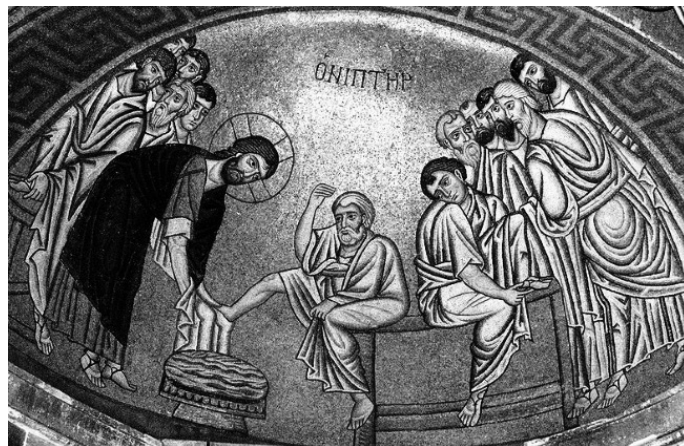
почитаете Меня?» Петр ответил: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго». Тогда Иисус сказал ему: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах. И я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 13–18).

Этот рассказ получил различное толкование в христианских Церквах Востока и Запада. На Западе подчеркивалась роль Петра как главы апостольской общины, как наместника Христа на земле, передавшего свое первенство епископам Рима. На Востоке получило распространение толкование, согласно которому Церковь основана на вере в божество Иисуса Христа, исповеданием которой были слова Петра⁸. Сам апостол Петр в своем послании настаивает на том, что краеугольным камнем Церкви является Христос (см.: 1 Пет. 2, 4).

Апостольская община

Община учеников Христовых была той первоначальной Церковью, в которой ученики усваивали Божественное Откровение из уст воплотившегося Бога Слова. Именно в усвоении этого опыта и состояло ученичество апостолов. Они называли Иисуса Учителем и Господом, и Христос принимал это как должное: «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно делаете, ибо Я точно то» (Пн. 13, 13). Задачу учеников Он определял прежде всего как подражание Ему. Умыв ноги ученикам на Тайной вечери, Христос сказал им: «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я» (Пн. 13, 14–15). Сознывая Свое учительское достоинство, Христос говорил: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его» (Мф. 10, 24–25). В то же время Он подчеркивал, что Его ученик – это не слуга и не раб своего Учителя; это скорее Его друг и сотаинник:

«Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15, 15).

Омовение ног апостолам. Монастырь Осиос. Лукас, Греция, XI век

Отношение Христа к ученикам отличается от Его отношения к простому народу. Народ Он учит притчами, говорит людям не все, что мог бы сказать ученикам, некоторые вещи скрывает от него. Ученикам же Он доверяет великие и сокровенные тайны Царствия Небесного:

⁸ Ср.: *Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста 44, 2 // Он же. Творения. Т 7. Кн. 2. СПб., 1901. С. 554: «На этом камне, то есть на вероисповедании, созижду Церковь Мою».*

И, приступивши, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют... Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали (Мф. 13, 10–17).

Ученики Христовы были той Церковью, которую Иисус Христос собрал на Тайной вечери и которой преподал Свое Тело и Кровь под видом хлеба и вина. Это событие, описанное тремя евангелистами и апостолом Павлом (см.: Мф. 26, 26–29; Мк. 14, 22–25; Лк. 22, 19–20; 1 Кор. 11, 23–25), положило начало Церкви как евхаристической общине. После воскресения Христова апостолы, по завету Спасителя, в каждый первый день недели, который они называли «днем Господним», собирались для совершения Евхаристии.

На Тайной вечери Христос дал ученикам ту заповедь, которая легла в основу нравственного учения Христианской Церкви: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 34–35). Эта заповедь с особой силой раскрыта в посланиях апостола и евангелиста Иоанна Богослова, получившего в православной традиции наименование «апостола любви»:

... Таково благовествование, которое вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга... Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти... Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев... Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною... Заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам... Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь... (1 Ии. 3, 11–23; 4, 8).

Иисус Христос учил апостолов, чтобы они могли передать Его Евангелие следующим поколениям. Однако центральным моментом проповеди апостолов было не нравственное или духовное учение Христа, а весть о Его смерти и воскресении. Именно воскресение Христа придавало христианству ту уникальность и новизну, которая позволила христианам назвать свою веру Новым Заветом, по аналогии с Ветхим Заветом, который Бог заключил с народом израильским. Первостепенное значение факта воскресения Христова было для ранних христиан настолько очевидным, что они считали свою веру тщетной и лживой в том случае, если бы Христос не воскрес:

... Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал... Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших... Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших (1 Кор. 15, 14–20).

Смысл этих слов следующий: если Христос не воскрес, значит, Он был всего лишь одним из многочисленных пророков и учителей, явленных человечеству на протяжении его истории. Если Христос не воскрес, значит, Он лишь повторил то, что до Него говорили другие. Пусть даже Он был Посланником и Сыном Божиим: если Он не воскрес, значит, Он не был Спаси-

телем, и вы «еще во грехах ваших». Но Христос воскрес, став первенцем из умерших, то есть победив смерть и открыв людям путь к спасению.

Воскресение Христово является центральным фактом Евангелия и ключевым моментом в истории Церкви. Однако этот факт был признан не сразу и не всеми. Воскресение Христа прошло столь же незамеченным, как и Его рождение. самого момента выхода Христа из гроба не видел никто. И с первых дней после воскресения у многих людей, даже у ближайших учеников Христа, даже у тех, кто знал и любил Его, появилось сомнение. Этого не скрывает и Евангелие, повествуя о том, как ученики Христовы увидели воскресшего Христа «и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф. 28, 17). Богу не угодно было сделать воскресение Своего Сына чудом, происшедшим на глазах всего человечества: Он устроил так, что вера в воскресение требовала от каждого человека, даже от апостола, внутреннего духовного подвига, преодоления колебаний и сомнений.

Когда апостолы возвестили Фоме, одному из учеников, что они видели воскресшего Господа, он ответил: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20, 25). В этих словах проявился скептический разум человека, требующий логических, осязаемых доказательств. Но таких доказательств нет и быть не может, ибо вера христианская – за пределами разумного постижения, она сверхрациональна. В христианстве ничего нельзя логически доказать – ни бытие Бога, ни воскресение Христово, ни другие истины, которые можно только принять или не принять на веру.

«Бога не видел никто никогда» (Ин. 1, 18): эти слова сказаны не атеистом. Они принадлежат одному из ближайших учеников Христа – апостолу Иоанну Богослову. Несмотря на все попытки доказать бытие Божие, такого доказательства, которое убедило бы всех и каждого, не сумела представить ни одна религия: не нашло его и христианство. Впрочем, оно его и не искало, как не искало доказательств воскресения Христова. Но несмотря на кажущуюся бездоказательность христианской веры, миллионы людей приходили, приходят и будут приходить ко Христу; верили, верят и будут верить в воскресение Христово; признавали, признают и будут признавать бытие Божие, потому что они встретили воскресшего Христа на своем пути и узнали в Нем Бога. И никакие дополнительные доказательства оказались не нужны.

Так произошло с двумя учениками Христа, которые, возвращаясь из Иерусалима в Эммаус, встретили воскресшего Иисуса. Поначалу они не узнали Его в приблизившемся к ним путнике, потому что Его внешний облик после воскресения изменился. Господь беседовал с ними на протяжении всего пути, вошел вместе с ними в дом, и лишь когда Он преломлял хлеб, они узнали Его, но Он тотчас же сделался невидим. И тогда они сказали: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?» (Лк. 24, 32) – и с радостью пошли и возвестили ученикам о своей встрече с воскресшим Учителем.

Телесные глаза не помогли ученикам распознать воскресшего Бога, когда Он был рядом с ними: они узнали Его внутренними очами души. Но в тот самый момент, когда они узнали Его, Он сделался невидим для них, потому что телесное зрение не нужно, когда сердце воспламеняется верой. Так происходило и происходит с христианами, которые не видели Бога, но уверовали в Него, потому что сердце их возгорелось любовью к Нему. Именно о них сказал Христос, обращаясь к Фоме: «Блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 29). Блаженны, потому что не логических доказательств взыскали они, но того огня, который Бог ввергает в сердца человеческие. И христиане веруют в воскресение Христово не потому, что их кто-то в этом убедил, не потому, что они прочли об этом в Евангелии, но потому, что они сами, своим внутренним опытом, познали Воскресшего.

На протяжении веков скептический разум человека говорил: «Не увижу – не поверю». А христианство отвечало: «Веруй, хотя и не видишь». Учением о воскресении христианство бросило вызов окружающему миру, требующему логического оправдания веры. Оно бросило

вызов человеческому разуму, который склонен сомневаться даже в бытии Божиим, а тем более в том, что человек, даже если это Сын Божий, мог умереть и воскреснуть. Но именно на вере в воскресение – вере, не подтверждаемой какими-либо осязаемыми доказательствами, но подтверждаемой внутренним опытом миллионов людей, – основывается жизнь Церкви вплоть до настоящего времени.

После воскресения Христос возложил на Своих учеников проповедническую, учительную миссию: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19–20). Однако в первые недели после воскресения Христова ученики все еще не понимали смысл того, чему Он учил их, продолжая надеяться, что Он – тот Царь Израилев, Который восстановит утраченное политическое могущество еврейского народа. Они слышали притчи Христа, были свидетелями многих Его чудес, присутствовали при Его последних днях, видели Его страдавшим и умиравшим на кресте, узрели Его воскресшим. Но даже после воскресения Христова они все еще продолжали спрашивать Его: «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?» (Деян. 1, 6). Мысли их все еще ограничивались рамками иудейского государства, судьбой которого они были искренне озабочены.

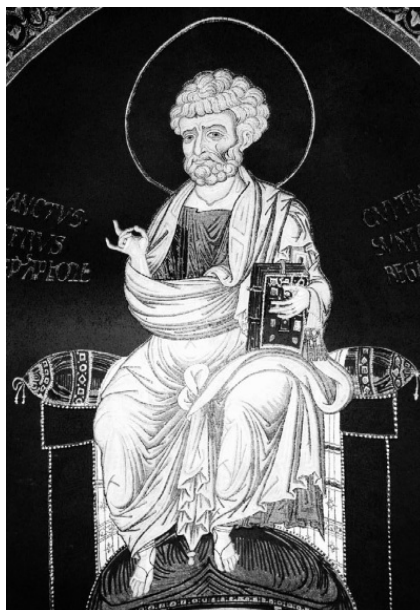
Для осуществления апостольской миссии, возложенной на них Христом, им необходимо было содействие Святого Духа, Который, по обетованию Спасителя, должен научить их всему (см.: Ин. 14, 26).

Сошествие Святого Духа на учеников произошло в день Пятидесятницы. Это событие, описанное в Деяниях апостольских, превратило учеников Христа, простых галилейских рыбаков, людей некнижных и неученых, в дерзновенных проповедников Евангелия. Сошествие Святого Духа уничтожило в учениках последние сомнения в воскресении Христовом, последние колебания относительно правильности и необходимости той миссии, которая была возложена на них Господом. Когда Святой Дух сошел на учеников Спасителя, когда они заговорили на иных языках, когда почувствовали в себе новые силы и новые возможности, они начали приходить к пониманию своего поистине вселенского призвания, которое заключалось в том, чтобы учить «все народы» (Мф. 28, 19), проповедовать Евангелие «всей твари» (Мк. 16, 15).

В момент Пятидесятницы община учеников Христа насчитывала несколько десятков человек (христианская традиция говорит о 12 ближайших апостолах Спасителя и 70 других апостолах), а число людей, уверовавших во Христа, по-видимому, исчислялось несколькими сотнями или, может быть, несколькими тысячами. В любом случае это была очень незначительная по численности группа людей. Церкви предстояло пройти огромный путь, прежде чем она приобрела подлинно вселенский, кафедральный характер.

Не может не поражать, с какой быстротой начала распространяться новая вера. Поначалу апостолы, как и Сам Христос, проповедовали среди иудеев – в Иерусалимском храме, в синагогах, в частных домах (см.: Деян. 5, 21; 5, 42; 13, 14 и др.). Однако уже в ближайшие годы после воскресения Спасителя проповедь апостолов вышла за пределы Иудеи и стала распространяться по всей территории Римской империи, а также за ее пределами, причем не только среди иудеев, но и среди язычников. И если проповедь среди иудеев была обречена на относительный неуспех, то проповедь среди язычников открыла апостолам безбрежное миссионерское поле, которое они начали засеивать семенами слова Божия, и семена эти стали быстро давать всходы.

Решение о начале проповеди среди язычников было принято Церковью под воздействием апостола *Петра* (см.: Деян. 11, 2-18), который также первым настоял на отмене обрезания в качестве необходимого условия для вступления в Церковь (см.: Деян. 15, 7-11).

Апостолы Петр и Павел. Собор в Монреале, Сицилия, XII век

Однако «более всех потрудиться» (1 Кор. 15, 10) в деле просвещения язычников суждено было не Петру, а *Павлу*, вошедшему в историю Церкви в качестве «апостола язычников». При жизни Христа Павел не был среди Его учеников, и после Его воскресения был активным противником и гонителем Церкви. Но обращение Павла, описанное в книге Деяний апостольских (см.: Деян. 9, 1–9), имело не меньшее значение для Церкви, чем Пятидесятница. Из гонителя Церкви Павел превратился в ревностного ее защитника и проповедника. Он совершил четыре миссионерских путешествия и закончил свой проповеднический подвиг мученической кончиной в Риме. Православная Церковь прославляет Павла как одного из двух, наряду с Петром, первоверховных апостолов.

Корпус Посланий апостола Павла составляет существенную часть Нового Завета. Значение Павла для последующего развития Христианской Церкви было столь велико, что его

нередко сравнивали с Самим Христом: Иоанн Златоуст даже утверждал, что через Павла Христос сказал людям больше, чем успел сказать Сам во время Своего земного служения⁹.

Тайная вечеря, Каппадокия, фреска в пещерной церкви, XIII век

Апостол Павел был творцом православной экклезиологии – учения о Церкви. Он определяет Церковь как «Тело Христово» (Кол. 1, 24), главой которого является Сам Христос (см.: Еф. 4, 15), как живой организм, в котором каждый член имеет свою функцию, свое призвание и служение. Единство членов Тела Христова скреплено единством Евхаристии – совместной трапезы, за которой, по молитве Церкви, совершается преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христа. Во времена Павла Евхаристия (от греч. *eucharistia* – благодарение) представляла собой скорее трапезу, чем богослужение, однако эта трапеза сопровождалась чтением Священного Писания, поучением, пением псалмов и затем произнесением евхаристических молитв, носивших импровизированный характер. Как правило, евхаристическое собрание начиналось после захода солнца и продолжалось до рассвета. Описание евхаристических собраний содержится и у апостола Павла, и в Деяниях апостольских. Со временем Евхаристия приобретала черты богослужения, а евхаристические молитвы стали записываться. Несмотря на изменение формы евхаристического собрания, его суть оставалась неизменной со времен апостола Павла до наших дней. Суть Евхаристии выражена в словах Павла:

Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли Тело Христово? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба (1 Кор. 10, 16–17).

В нравственном учении апостола Павла, как и в учении Христа, доминирует тема любви. «Все у вас да будет с любовью», – взывает апостол (1 Кор. 16, 14). Никакие испытания, по словам Павла, не могут отлучить верующего от любви Божией:

Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание (Пс. 43, 23). Но все сие преододеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни

⁹ Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Римлянам 32, 3.

высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 8, 35–39).

Учение апостола Павла глубоко христоцентрично. Он не отделяет себя и свою жизнь от личности и жизни Христа: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во Мне Христос» (Гал. 2, 19–20); «для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1, 21); «Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал. 6, 17). Основой апостольской проповеди является, согласно Павлу, вера в воскресение Христа. В то же время Павел сознает, что проповедь Христа распятого и воскресшего является вызовом как для иудейского, так и для эллинистического сознания:

Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия... Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость (1 Кор. 1, 18–24).

Справедливость слов «апостола язычников» подтвердилась во II–III веках, когда христианская вера начала стремительно распространяться, в то же время встречая явный отпор со стороны как иудеев, так и язычников.

Эпоха мученичества

В течение первых трех веков своего существования Христианская Церковь жила в состоянии конфликта с окружающим миром. Вызов, который она бросила иудейской традиции, стал причиной острого противостояния между христианством и иудейством. Это противостояние началось еще при жизни Иисуса Христа: Его главными оппонентами были духовные лидеры еврейского народа – первосвященники, фарисеи и саддукеи, которые не могли простить Ему пренебрежительное, с их точки зрения, отношение к иудейским традициям. Именно они добились Его осуждения на смерть римским прокуратором Понтием Пилатом и после Его воскресения начали систематическую политику гонений против Его учеников.

Мучения апостола Стефана. Миниатюра Минология Василия II. Константинополь, 985 год. Ватиканская библиотека, Рим

Книга Деяний апостольских упоминает о великом гонении на церковь в Иерусалиме, вынудившем христиан рассеяться по разным местам Иудеи и Самарии (см.: Деян. 8, 1). Жертвой этого гонения стал Стефан, один из тех семи человек, которых апостольская община избрала, чтобы «пещись о столах» (Деян. 6, 2). Будучи арестован, Стефан предстал перед первосвященниками и в длинной обличительной речи изложил всю историю израильского народа, заключив свою речь словами: «Жестоковейные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили» (Деян. 7, 51–53). В ответ на эту речь, ставшую первым письменным памятником антииудейской полемики, иудеи вывели Стефана за город и там побили камнями.

Другим мучеником, пострадавшим от иудеев, стал Иаков Зеведеев, брат Иоанна, которого царь Продубил мечом (см.: Деян. 12, 1–2). От иудеев пострадали и некоторые другие апостолы, в частности Иаков, брат Господень, который, по преданию, был первым епископом Иерусалимским: его иудеи сбросили с крыши храма¹⁰. Гонениям на христиан со стороны иудеев положил конец захват и разгром Иерусалима в 70 году армиями римского полководца Тита, впоследствии ставшего императором. Poleмика между христианством и иудаизмом была тем не менее продолжена во II веке Иринеем Лионским и Иустином Философом, в III веке Оригеном, а в IV веке Афраатом Персидским и Иоанном Златоустом.

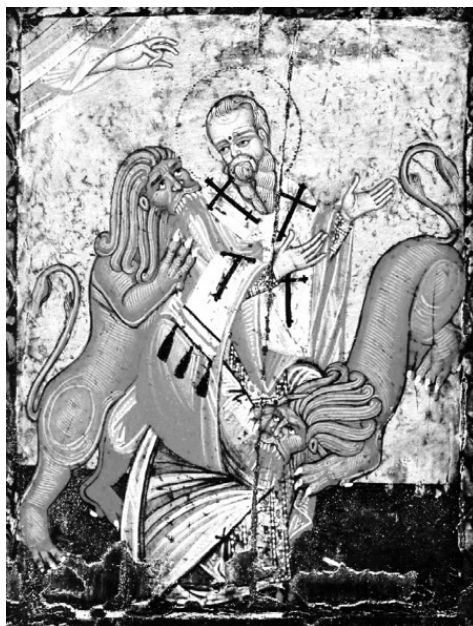
Гонения на христиан со стороны язычников начались в 64 году когда значительная часть Рима была уничтожена пожаром и император Нерон, чтобы отвести от себя подозрения в поджоге, обвинил в этом христиан и евреев. Сведения об этом сохранились у римского историка Тацита:

И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами... Сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона¹¹.

Слова римского историка являются важнейшим для Христианской Церкви свидетельством о ранних годах ее существования и о начале эпохи гонений. Их ценность обусловлена тем, что они принадлежат человеку, чуждому Церкви и настроенному враждебно по отношению к ней.

¹⁰ Православная Церковь отличает Иакова, брата Господня (предположительно, сына Иосифа от первого брака), первого епископа Иерусалимского, от Иакова Зеведеева и Иакова Алфеева.

¹¹ Тацит. *Анналы* XV, 44.

Игнатий Богоносец. Икона XVII века. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Другими важными свидетельствами той же эпохи являются мученические акты – протоколы допросов предаваемых на смерть христиан, составленные по приказу их мучителей. К числу такого рода протоколов относятся акты процесса против священномученика Киприана Карфагенского († 258), составленные канцелярией проконсула Африки. Имеются также мученические акты иного типа, представляющие собой записи христиан, ставших очевидцами страдания мучеников. К числу таковых относятся, в частности, «Мученичество святого Поликарпа Смирнского» († 156), «Мученичество святого Иустина Философа» († ок. 165), «Мученичество святых Перпетуи и Фелицитаты» († 202).

Свидетельством особого рода являются послания священномученика *Игнатия Богоносца*, епископа Антиохийского († ок. 107), пострадавшего в гонение императора Траяна (98-117). В 106 году Траян повелел совершать всюду жертвоприношения языческим богам по случаю своей победы над скифами, но Игнатий воспротивился этому, за что был приговорен к смерти. После вынесения приговора Игнатия заковали в кандалы и в сопровождении солдат отправили в Рим, где его должны были растерзать львы на глазах у публики. Путь епископа пролегал через различные города, христианам которых он направлял свои послания. Эти послания представляют собой потрясающее свидетельство духовного героизма и непоколебимости христианского епископа перед лицом приближающейся смерти. Обращаясь к христианам Рима в послании, написанном в Смирне и переданном через христиан Ефеса, Игнатий просит римлян не ходатайствовать об отмене или смягчении казни:

Я пишу Церквам и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым. Лучше приласкайте этих зверей, чтоб они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела... Молитесь о мне Христу, чтоб я посредством этих орудий сделался жертвою Богу... На пути из Сирии до Рима, на суше и на море, ночью и днем, я уже борюсь со зверями, будучи связан с десятью леопардами, то есть отрядом воинов, которые от благодеяний, им оказываемых, делают только злое.

Оскорблениями их я больше научаюсь, но этим не оправдываюсь. О, если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтоб они с жадностью бросились на меня. Я заманю их, чтоб они тотчас же пожрали меня... Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержит меня прийти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола придут на меня, – только бы достигнуть мне Христа. Никакой пользы не принесут мне удовольствия мира, ни царства века сего. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею... Его ищу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего... Пустите меня к чистому свету: явившись туда, буду человеком Божиим. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего¹².

Гонения на христиан со стороны римской власти в первые три века нашей эры носили волнообразный характер: они то возникали, то стихали, то снова возобновлялись. Во II веке император Траян (98-117) запретил существование тайных обществ, имевших свои собственные законы, отличные от общегосударственных: в числе таковых оказались христиане. При Траяне христиан специально не разыскивали, но, если судебная власть обвиняла человека в принадлежности к Христианской Церкви, его приговаривали к смерти. При Марке Аврелии (161–180), одном из самых просвещенных римских императоров, христиан стали разыскивать, была введена система пыток и истязаний, чтобы принудить их к отречению от веры. Христиан изгоняли из домов, бичевали, побивали камнями, привязывали к конским хвостам и волочили по земле, бросали в тюрьмы, оставляли тела их без погребения. Император Деций (249–251) решил уничтожить христианство, однако его правление было слишком кратким для осуществления этой цели. Император Диоклетиан (284–305) издал несколько эдиктов, в которых предписывалось, в частности, уничтожать христианские храмы, лишать христиан имущества и гражданских прав, подвергать христиан пыткам во время суда, заключать в тюрьму всех священнослужителей, требовать от христиан принесения жертвы языческим богам.

Памятники раннехристианской литературы сохранили многочисленные свидетельства героизма мучеников перед лицом испытаний и гонений. В то же время имелись случаи отступничества и отречения от Христа из страха перед мучениями. В гонение Деция они приняли массовый характер, о чем свидетельствует, в частности, Дионисий Александрийский:

Все были поражены страхом. И тотчас же многие из знатнейших людей от страха сами спешили исполнить повеление императора; других, занимавших общественные должности, вынуждали сделать это самые их занятия; иных увлекли близкие к ним лица. Вызываемые по именам, они приступали к нечистым и скверным жертвоприношениям – бледные и трепещущие, как будто им предстояло не жертву принести, но самим сделаться жертвами, закалаемыми в честь идолов¹³.

Гонения на христиан со стороны язычников в I–III веках имели разные причины. Прежде всего между христианами и язычниками существовала стена взаимного неприятия. Ненависть язычников к христианам, выразившаяся в приведенных выше словах Тацита, а также у Светония, Плиния, Цельса и других римских авторов, отражала широко распространенное мнение о христианстве как вредной для общества тайной секте, основанной на суевериях. Закрытый характер евхаристических собраний способствовал распространению мифов о том, что на этих собраниях христиане занимаются всякими «мерзостями», вплоть до каннибализма. Отказ

¹² *Игнатий Богоносец*. Послание к Римлянам 4–6.

¹³ *Дионисий Александрийский*. Послание 3, к Фабию, епископу Антиохийскому.

христиан приносить жертвы богам воспринимался как «безбожие» (атеизм), а отказ от поклонения императору – как прямой вызов религиозно-общественному устройству империи.

Эпоха мученичества, закончившаяся в Римской империи в 313 году¹⁴, оставила глубокий след в истории Христианской Церкви. Почитание мучеников, возникшее в эту эпоху, сохраняется до наших дней. В Православной Церкви Божественная литургия до настоящего времени совершается на престоле, в который вложена частица мощей мученика или святого, или на антиминсе – специальном платке, в который зашита такая частица. Это соответствует древне-христианской практике совершения Евхаристии на гробах мучеников.

«Кровь мучеников есть семя христианства», – писал Тертуллиан¹⁵ (ок. 150 – ок. 220). Эта крылатая фраза римского церковного писателя III века подчеркивает, что гонения не ослабляют, но, наоборот, укрепляют Церковь, помогают сплочению и духовному единству верующих. Истинность этих слов подтверждалась всякий раз, когда гонения на Церковь возобновлялись, вплоть до XX века, ставшего новой эпохой мученичества и невиданного духовного героизма в истории Православной Церкви.

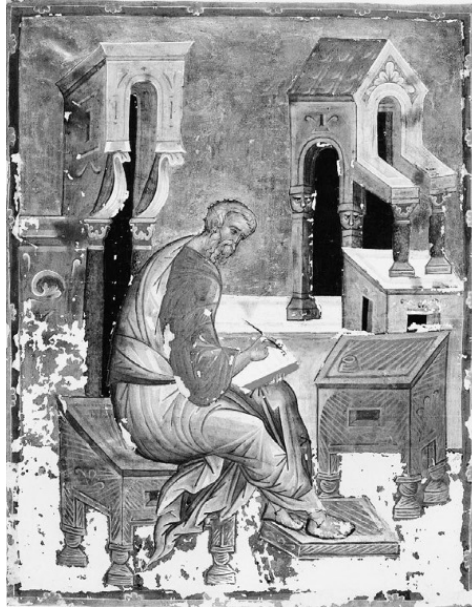
Ранне-христианская письменность

С проповеди апостола Павла и других апостолов начался сложный и болезненный процесс осмысления богооткровенной религии как пути к спасению, не обусловленного рамками еврейской этнической традиции. Благовестие о Боге воплотившемся, распятом и воскресшем долгое время оставалось «безумием» для эллинистического мира, который должен был созреть для своей Пятидесятницы, найти свой подход к тайне Боговоплощения. Рожденное в ином культурном измерении, сознание эллинского мира требовало и иного педагогического подхода со стороны апостолов и их преемников – мужей апостольских и учителей Церкви I–III веков. Их опыт показывал, как трудно было донести истины Откровения до античного общества, передать ему опыт жизни во Христе.

Период с I по III век был временем возникновения и развития христианской литературы, становления христианского богословия. Этот период ознаменовался также возникновением первых ересей, с которыми столкнулась Христианская Церковь.

¹⁴ За пределами Римской империи, в частности в Персидской империи, жестокие гонения на христиан продолжались и в IV–V веках.

¹⁵ Тертуллиан. Апология 50, 13.

Евангелист Матфей. Евангелист Иоанн Богослов и Пророк. Миниатюры из Евангелия Хитрово. Начало XV века. Школа Андрея Рублева (?)

Наиболее древними и авторитетными памятниками христианской литературы являются те, что вошли в состав Нового Завета. Все они были написаны на греческом языке не позднее конца I века. Принятый в наше время новозаветный канон включает Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна, Деяния апостольские, послание Иакова, два послания Петра, три послания Иоанна, послание Иуды, 14 посланий апостола Павла и Апокалипсис. Канон Нового Завета в том виде, в каком он сохранился до наших дней, сформировался лишь к концу IV века. 47-е правило Карфагенского Собора 397 года устанавливает следующий список канонических книг: «Евангелия, четыре книги; Деяния апостолов, одна книга; послания Павла, тринадцать; его же к Евреям, одно послание; Петра – два; Иоанна, апостола, – три; Иакова одно; Иуды одно; Апокалипсис Иоанна».

Наряду с каноническими текстами в Древней Церкви существовало множество сочинений, получивших название апокрифов (от греч. *apokryuo* – скрывать): к их числу относятся,

например, Евангелия Фомы, Филиппа, Петра, Никодима, Протоевангелие Иакова. Среди апокрифических писаний, пользовавшихся широким распространением в первые века христианства, были памятники очень разные как по происхождению, так и по содержанию. Их судьба в Христианской Церкви также была разной. Некоторые апокрифические Евангелия, в частности те, что имели еретическое происхождение, были осуждены Церковью и изъяты из употребления. В то же время те апокрифы, чье содержание не противоречило церковному учению, хотя и не вошли в новозаветный канон, сохранились в церковном Предании в опосредованной форме: многие их идеи вошли в богослужебные тексты, а также в агиографическую литературу. К числу апокрифов, оказавших влияние на развитие христианского богослужения, принадлежат, в частности, Протоевангелие Иакова, повествующее о рождении, детстве и юности Пресвятой Девы Марии, и Евангелие Никодима, повествующее о сошествии Христа во ад. Оба памятника свободны от чуждых христианству идей, сотканы из библейского материала и в то же время как бы восполняют те лакуны, которые имеются в Новом Завете.

Следующим пластом раннехристианской литературы стали сочинения мужей апостольских, живших во II веке. Некоторые из мужей апостолов, как, например, Папий Иерапольский, еще застали в живых кого-либо из апостолов Христа, другие, как Игнатий Богоносец, стали преемниками поставленных апостолами епископов. Послания Игнатия Богоносца, о которых упоминалось выше, имеют не только духовно-нравственную, но и богословскую значимость: они содержат стройное учение о единстве Церкви и о трехступенной иерархии, состоящей из епископа, пресвитеров и диаконов. В число произведений мужей апостольских включают также два послания священномученика Климента Римского (подлинность второго послания оспаривается), послание священномученика Поликарпа Смирнского, «Пастырь» Ерма, послание Варнавы и «Учение двенадцати апостолов» («Дидахи»).

Крупным христианским писателем II века был священномученик *Иринея Лионский* († ок. 200), уделивший большое внимание борьбе с гностическими ересями. *Гностицизм* представлял собой совокупность религиозных течений, развивавших параллельно с христианством, но глубоко несхожих с ним в вероучительном плане. Гностические системы Валентина, Василида и Маркиона значительно отличались одна от другой, однако общим для них было сочетание отдельных элементов христианства с элементами восточных религий, оккультизма, магии и астрологии. Для большинства гностических систем было характерно представление о двух равновеликих силах, которые движут историей мироздания, – силе добра и силе зла. Валентин, в частности, противопоставлял доброго Бога, явленного во Христе и владеющего духовным миром, злому Богу Ветхого Завета, власть которого распространяется на материальный мир. В гностических системах отсутствовало представление о человеке как существе, наделенном свободной волей: человек рассматривался, скорее, как игрушка в руках добрых или злых сил.

Личность Христа ни в одной гностической системе не занимала центральное место. Лишь некоторые элементы Его духовно-нравственного учения вплетались в фантазмагорические построения гностиков. Поэтому гностики не довольствовались теми Евангелиями, которые употреблялись в Церкви, но создавали свои собственные, альтернативные. Одним из таких было Евангелие от Иуды, о котором упоминал Иринея Лионский и которое сохранилось в переводе на коптский язык. Долгое время это гностическое евангелие считалось утраченным, однако в 2006 году его текст был опубликован. В этом произведении Иуда предстает как особо приближенный ученик Иисуса, которому Иисус открывает «тайны царства»; предательство он совершает как бы по прямому повелению Иисуса.

«Лжеименному гнозису» святой Иринея противопоставил христианское богословское учение, основанное на книгах Нового Завета и Священном Предании. Верность церковному Преданию выдвигается Иринеем в качестве основного критерия истинности учения:

... Не должно искать у других истины, которую легко получить от Церкви, ибо апостолы, как богач в сокровищницу, вполне положили в нее все, что

относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питье жизни. Она именно есть дверь жизни, а все прочие учителя суть воры и разбойники. Посему должно избегать последних, но с величайшим тщанием избирать то, что относится к Церкви, и принимать Предание истины. Что же? Если бы возник спор о каком-нибудь важном вопросе, то не надлежало ль бы обратиться к древнейшим Церквам, в которых обращались апостолы, и от них получить, что есть достоверного и ясного относительно настоящего вопроса? Что если бы апостолы не оставили нам Писания? Не должно ли было следовать порядку Предания, преданного тем, кому они вверили Церкви?¹⁶

Эпоха гонений породила целое собрание апологетической христианской литературы. Во II веке авторами апологетических сочинений были Афинагор Афинский, святитель Феофил Антиохийский, Минуций Феликс, священномученик Иустин Философ и Татиан Ассириец. В Апологии Тертуллиана значительное место уделяется защите христиан от обвинений в непочитании императора. Обращаясь к представителям римской власти, Тертуллиан подчеркивал лояльность христиан по отношению к императору: «Император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом. Вот почему я о благоденствии императора, как своего, забочусь более, чем кто-либо другой, не тем только, что прошу его у Того, Который может даровать, и не тем только, что прошу я, такой, который заслуживает исполнения просьбы, но и тем, что, поставляя величие царя ниже величия Бога, я вверяю его Богу, Которому одному только и подчиняю его»¹⁷. В этих утверждениях Тертуллиан опирается на традицию, восходящую к апостолам Петру и Павлу которые призывали христиан быть покорными всякому человеческому начальству (см.: Рим. 13, 1; Тит. 3, 1), чтить земного царя (см.: 1 Пет. 2, 13–17) и возносить за него молитвы (см.: 1 Тим. 2, 1–3).

Важным памятником апологетической литературы III века является анонимное «Послание к Диогнету», в котором говорится об образе жизни христиан в эпоху гонений:

Христиане не отличаются от других людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особых городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречия и ведут жизнь, ничем не отличную от других людей... Но, обитая в эллинских и варварских городах – где кому досталось, – и следуя обычаям тех жителей в одежде, пище и во всем другом, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; участвуют во всем, как граждане, но все терпят, как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество и всякое отечество – чужая страна. Они вступают в брак, как и все, рожают детей, но только не бросают их. У них общая трапеза, но не общее ложе. Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные. Повинуются постановленным законам, но свою жизнь превосходят самые законы. Они любят всех, но всеми бывают преследуемы. Их не знают, но осуждают. Их умерщвляют, но они животворятся. Они бедны, но всех обогащают. Всего лишены – и во всем избобилуют. Бесчестят их, но они тем прославляются. На них клеветают, но они оказываются правыми. Их злословят, а они благословляют; за оскорбления они воздают почтение; они делают добро, но их наказывают, как злодеев; они радуются наказанием, как будто бы им давали жизнь. Иудеи воюют против них, как против иноплеменников. Язычники их преследуют, но враги их не

¹⁶ Иринеи Лионский. Против ересей 3, 4, 1.

¹⁷ Тертуллиан. Апология 33.

могут сказать, за что их ненавидят. Одним словом: что в теле душа, то в мире христиане... Душа заключена в теле, но, в сущности, она сама содержит тело. Так и христиане, заключенные в мире, как бы в темнице, сами сохраняют мир¹⁸.

Христианские писатели II–III веков уделяли большое внимание сопоставлению христианства с эллинистической традицией. Этой теме посвящены, в частности, сочинения *Иустина Философа* († ок. 165) и *Климента Александрийского* (150 – ок. 215). Климент придавал большое значение изучению греческой философии и считал, что не следует противопоставлять философии христианскую веру. По его учению, «философия не отвращает от веры», напротив, «мы ограждаемся ею, как неким прочным оплотом, приобретая в ее лице своего рода союзника, вместе с которым утверждаем и свою веру»¹⁹. Согласно Клименту, «путь к истине один, но в него вливаются различные потоки, соединяясь в реку, текущую в вечность»²⁰. Одним из таких потоков является древнегреческая философия, которая есть «приготовительное учение, пролагающее и выравнивающее путь ко Христу»²¹. Философия была дана эллинам как божественный дар, как «воплощенный образ (икона) истины»²²; для эллинов она – такой же детоводитель ко Христу (см.: Гал. 3, 23–24), каким было для евреев Писание Ветхого Завета²³. Сам термин «философия» употребляется Климентом в расширительном смысле: для него философия не учение Платона, Эпикура или Аристотеля, но «то лучшее, что каждая из этих школ говорит о справедливости и благочестивом знании»²⁴.

Наиболее значительным церковным писателем на христианском Востоке III века был *Ориген* (ок. 185 – ок. 254). На протяжении многих лет он возглавлял огласительные училища сначала в Александрии, затем в Кесарии, снискав славу выдающегося педагога-катехизатора. Учеником Оригена были святитель Григорий Чудотворец, оставивший «Похвальное слово» своему учителю. По свидетельству Григория, Ориген уделял большое внимание изучению античной философии и литературы, в его школе изучались все известные системы греческих философов. В то же время чтение философов воспринималось лишь как пропедевтика к основному курсу, состоявшему в чтении и истолковании книг Священного Писания. Весьма интересны сведения о преподавательском методе Оригена. Его основной заботой было привить ученикам вкус к самостоятельному осмыслению изучаемого материала. Ориген прекрасно понимал, что его задачей является не преподавать учащимся некую сумму знаний, но научить их самостоятельно отвечать на вопросы, возникающие в процессе изучения той или иной науки. Подобно другому великому педагогу, Сократу, Ориген не давал ученикам готовые ответы на вопросы, но убеждал каждого ученика доказательствами из его же собственных уст. Григорий свидетельствует о том глубоком влиянии, которое оказала на него личность Оригена:

...Он поразил меня и жалом дружбы, с которым нелегко бороться, острым и сильно действующим, – жалом умелого обращения и доброго расположения, которое, как благожелательное ко мне, обнаруживалось в самом тоне его голоса, когда он обращался ко мне и беседовал со мною... Подобно искре, попавшей в самую душу мою, возгорелась и воспламенилась моя любовь как к священному, достойнейшему любви Самому Слову, Которое в силу

¹⁸ Послание к Диогнету 5–6.

¹⁹ *Климент Александрийский*. Строматы 1, 2.

²⁰ Там же 1, 5.

²¹ Там же.

²² Там же 1, 2.

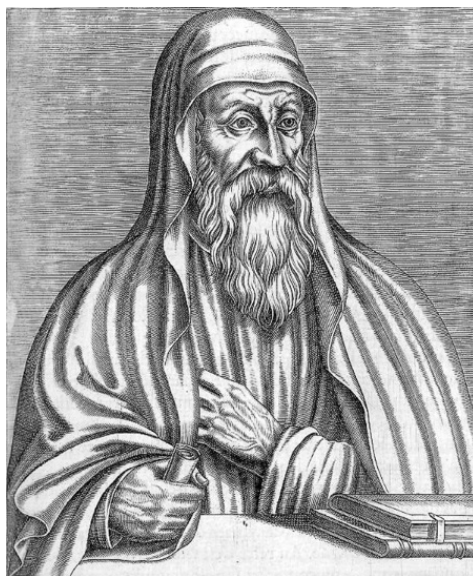
²³ См.: Там же 1, 5.

²⁴ Там же 1, 7.

Своей неизреченной красоты привлекательнее всего, так и к сему мужу, Его другу и глашатаю²⁵.

Некоторые современные ученые называют Оригена основателем христианского богословия²⁶. Ориген – автор множества экзегетических, богословских, апологетических и аскетических сочинений. Корпус экзегетических писаний Оригена включал толкования почти на все книги Ветхого и Нового Заветов. Сочинение «Против Цельса» является развернутой апологией христианства в ответ на обвинения язычников. Трактат «О началах», одно из ранних произведений Оригена, является первым опытом систематического изложения христианского вероучения. Трактат «О молитве» представляет собой одно из наиболее ранних произведений аскетической письменности и содержит ценные сведения о практике молитвы в Христианской Церкви III века.

В трактате «О началах» (сохранившемся целиком лишь в отредактированном латинском переводе) Ориген излагает христианское вероучение в том виде, в каком оно дошло от апостолов, снабжая апостольское Предание своими собственными комментариями.

Портрет Оригена. Гравюра на металле, неизвестный художник XVI века

Согласно Оригену, существует единый Бог, Который все сотворил и создал и Который все привел из небытия в бытие. Этот Бог, согласно с предсказаниями пророков, послал Господа Иисуса Христа для призвания сперва Израиля, а потом и язычников. Этот Бог, праведный и благой Отец Господа нашего Иисуса Христа, дал закон, и пророков, и Евангелие; Он же есть Бог и апостолов, Бог Ветхого и Нового Заветов. Иисус Христос, согласно церковному Преданию, рожден от Отца прежде всякой твари: при сотворении мира Он служил Отцу, но «в последнее время», смилив Себя, воплотился и сделался человеком, оставаясь при этом тем, чем был прежде, то есть Богом. Он воспринял тело, подобное нашему телу, с тем только различием, что оно было рождено от Девы и Святого Духа. Иисус Христос родился и пострадал истинно и подвергся смерти не призрачно, а реально; истинно Он воскрес из мертвых, после воскресения обращался со Своими учениками и вознесся. Отцу и Сыну в отношении чести и достоинства сопричастен Святой Дух. «При этом нельзя ясно усмотреть, рожден или не рожден Святой

²⁵ Григорий Неокесарийский. Благодарственная речь Оригену 81–83.

²⁶ См.: Мейендорф И., *протп.* Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 103.

Дух, должно ли считать Его Сыном или нет», отмечает Ориген²⁷. Последнее утверждение свидетельствует о недостаточной разработанности пневматологического догмата²⁸ в его время.

Церковное Предание, согласно Оригену, учит о посмертном воздаянии в виде наследия вечной жизни и блаженства или же вечного огня и наказания, а также о всеобщем воскресении мертвых, когда человеческое тело восстанет в славе. Разумная душа обладает свободой выбора и должна выдерживать борьбу против диавола и ангелов его; свободная воля означает, что люди не подлежат принудительной необходимости делать добро или зло вопреки своему желанию²⁹.

Относительно ангелов и добрых сил Ориген говорит, что они «служат Богу при устройении спасения людей; но когда они сотворены, или каковы они, или как существуют – это не обозначается с достаточной ясностью»³⁰. Относительно диавола и ангелов его «весьма многие держатся того мнения, что этот диавол был прежде ангелом и, сделавшись отступником, убедил уклониться вместе с собою многих других ангелов»³¹. Кроме того, в церковном Предании утверждается, что мир был сотворен и начал существовать с известного времени, однако «что было прежде этого мира или что будет после него, для многих остается неизвестным, потому что в церковном учении не говорится об этом ясно»³².

Наконец, Ориген говорит о том, что Священное Писание содержит не только буквальный смысл, «но и некоторый другой, скрытый от большинства, ибо описанное здесь служит предначертанием некоторых таинств и образом божественных вещей». Духовный смысл Писания «известен не всем, а только тем, кому подается благодать Святого Духа в слове премудрости и знания»³³. Последнее утверждение указывает на аллегорический метод толкования Священного Писания: этот метод, широко распространенный в александрийской традиции, основывался на представлении о наличии двух уровней в Писании – буквального и духовного – и о необходимости за каждым словом Писания усматривать некий аллегорический, символический смысл. При помощи такого метода, который современному человеку может показаться бесполезным и бессмысленным³⁴, но который соответствовал культурной традиции образованных эллинов его времени, Ориген истолковал многие книги Священного Писания.

Богословские формулировки сочинений Оригена, как правило, достаточно осторожны: в тех случаях, когда в церковном Предании нет ясного ответа на тот или иной догматический вопрос, Ориген либо оставляет его без ответа, ссылаясь на его недостаточную разработанность, либо предлагает свое толкование, при этом подчеркивая, что оно является его личным мнением. В то же время в трактате «О началах» наличествуют идеи, которые последующей церковной традицией были отвергнуты и осуждены. Так, например, в этом трактате обнаруживается мысль о том, что души разумных тварей первоначально пребывали в созерцании Бога, однако вследствие грехопадения охладели и были посланы в тела (слово *psyche* – душа – Ориген производит от глагола *psychrod* – охладить). В результате духовно-нравственного очищения, а также благодаря воплощению Сына Божия души могут быть восстановлены в свое прежнее состояние: это восстановление (апокатастасис) охватит все разумное естество, включая людей, диавола и демонов. В то же время оно не будет окончательным, поскольку свобода разумных тварей влечет за собой возможность нового падения и возвращения в тела³⁵, а следовательно, и необходимость нового Боговоплощения. Идея бесконечного круга перевоплощений, вытекаю-

²⁷ Ориген. О началах. Книга 1, введение, 4.

²⁸ Пневматология – учение о Святом Духе.

²⁹ См.: Ориген. О началах. Книга 1, введение, 5.

³⁰ Там же 10.

³¹ Там же 6.

³² Там же 7.

³³ Там же 9.

³⁴ См.: Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. С. 110.

³⁵ См.: Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. С. 120.

щая из этой теории, противоречит христианскому учению о соединении души и тела, о единственности и уникальности искупительного подвига Христа.

Личность и сочинения Оригена оказали огромное влияние на последующих церковных писателей и во многом определили дальнейшее развитие христианской мысли. Характерный для Оригена аллегорический метод толкования Ветхого Завета широко использовался в последующей христианской традиции. Почитателями Оригена в IV веке были святители Василий Великий и Григорий Богослов, составившие из сочинений Оригена сборник под названием «Добротолюбие» («Филокалия»), а также Григорий Нисский, усвоивший его богословский метод и многие его догматические взгляды.

В то же время еще при жизни Оригена начались споры вокруг некоторых пунктов его доктрины. После его смерти эти споры не прекратились. Уже в конце III века святитель Мефодий Олимпийский оспаривал учение Оригена о предсуществовании душ и природе воскресших тел. В IV веке против Оригена писали на Востоке святитель Епифаний Кипрский, а на Западе – блаженный Иероним. В 400 году в Александрии был созван Собор, осудивший оригенизм. Однако влияние Оригена сохранялось в монашеских кругах Египта и Палестины, где вплоть до середины VI века продолжались споры по тем или иным пунктам учения Оригена. В конце концов на Константинопольском Соборе 543 года, а затем и на V Вселенском Соборе 553 года оригенизм был официально осужден Церковью. Осуждению подверглись, в частности, следующие пункты, вытекающие из учения Оригена или его сторонников: о том, что человеческие души предсуществовали в мире идей, но потом отпали от божественного созерцания и для наказания посланы в тела; о том, что душа Иисуса Христа предсуществовала и соединилась с Богом Словом раньше воплощения от Девы, а тело в утробе Пресвятой Девы сначала было образовано и уже после этого соединилось с Богом Словом; о том, что Бог Слово уподобился всем небесным чинам, став для Херувимов Херувимом, для Серафимов Серафимом; о том, что тела людей воскреснут в шарообразной форме; о том, что небо, солнце, луна, звезды и превышние воды одушевлены; о том, что Христос будет распят в будущем веке за демонов, так же как за людей; о том, что сила Божия ограничена в пространстве и что Бог Сам сотворил столько вещей, сколько мог объять; о том, что наказание демонов и нечестивцев – временное и будет иметь после некоторого срока свой конец, то есть что будет восстановление (апокатастасис) демонов и нечестивых людей. Значительная часть сочинений Оригена была после V Вселенского Собора утрачена, некоторые сочинения дошли только в латинском переводе.

Христианские писатели II–III веков помимо защиты христианства от внешних врагов вынуждены были реагировать на ереси, возникавшие внутри Церкви. Наиболее значимыми ересями этого периода помимо упоминавшегося уже гностицизма были монтанизм, савеллианство и манихейство.

Монтанизм возник в середине II века после того, как языческий жрец Монтан обратился в христианство, но не захотел примкнуть к Церкви, а создал свою секту, последователи которой признавали его за Параклита (Святого Духа). В догматическом отношении монтанизм как будто бы не отличался от христианства, однако желание Монтана выдать свою секту за новое откровение, равное по значению Новому Завету, свои сочинения и сочинения своих сторонников приравнять к Священному Писанию, а также чрезмерный нравственный ригоризм секты и ее эсхатологическая настроенность (монтанисты ожидали скорого пришествия Христа, причем произойти это должно было во фригийском местечке Пепуза, которое они называли новым Иерусалимом) – все это вызвало резкий протест со стороны Церкви. Против монтанистов на Западе энергично выступил Тертуллиан. На Востоке их учение было впоследствии осуждено I Вселенским Собором.

Савеллиане (по имени римского пресвитера Савеллия) проповедовали учение о том, что Отец, Сын и Святой Дух суть три наименования одной и той же Божественной Личности, Которую Савеллий называл «сыно-отцом»: в Ветхом Завете эта Личность открывала Себя как Отец,

в Новом – как Сын, а в Церкви после вознесения Христа – как Дух. Савеллий был отлучен от Церкви Папой Римским Каллистом, однако его учение сохранилось вплоть до второй половины IV века.

Манихейство возникло в середине III века в Селевкии-Ктесифоне, столице персидской империи Сасанидов. Ее родоначальником был Мани († ок. 270), объявивший себя посланником Бога. Учение Мани было основано на характерном для гностицизма дуалистическом представлении об извечной борьбе Бога и дьявола. Именно дьяволу Мани приписывал сотворение материального мира, включая растения и животных. Однако человечество призвано к освобождению от уз материи и возвращению в царство света. Вестниками света и носителями божественного Откровения были Будда, Зороастр и Иисус Христос, однако именно Мани – тот Параклит, которого Иисус обещал послать для подготовки окончательной победы света. Манихеи проповедовали крайний аскетизм, целью которого было освобождение от пут материи, предписывали воздержание от мясной пищи и алкоголя, презрительно относились к браку и чадородию. По подобию церковной иерархии они создали свою иерархию со своим эзотерическим культом, к участию в котором допускались только посвященные.

Манихейство оказалось наиболее долговечным из еретических течений, возникших в эпоху гонений. После смерти Мани его учение вышло за пределы Персии и распространилось в африканских провинциях Римской империи. В IV веке манихейством серьезно увлекался Августин, впоследствии ставший христианским епископом и учителем Церкви. В разных формах манихейство просуществовало в Византии и на Западе вплоть до XI–XII веков, когда оно выродилось в новые еретические течения. На Востоке за пределами Византийской империи группы манихеев сохранялись вплоть до XIII века.

2. Эпоха Вселенских Соборов

Тринитарные споры

Период с IV по VIII век характеризуется стремительным распространением христианства на Востоке и Западе, превращением его в крупнейшую мировую религию, расцветом христианского богословия, возникновением и развитием монашеского движения, расцветом церковного искусства. В то же время это был период ожесточенной борьбы с ересями и многочисленных церковных расколов.

Новый период истории Церкви начался в 313 году, когда император Константин издал Миланский эдикт, по которому христиане империи уравнивались в правах с представителями других религий. Для Константина признание христианства было, скорее, политическим выбором: он, по-видимому, угадал в христианстве духовную и нравственную силу, способную сплотить население империи. При содействии Константина христианство в течение двух десятилетий после Миланского эдикта превратилось в привилегированную религию. Сам Константин, впрочем, принял крещение лишь в 337 году, находясь на смертном одре. До конца жизни он сохранял традиционное со времен языческой империи звание верховного жреца (*pontifex maximus*), которое, однако, было переосмыслено христианами как указывающее на божественное избранничество императора и его роль земного защитника и покровителя Христианской Церкви.

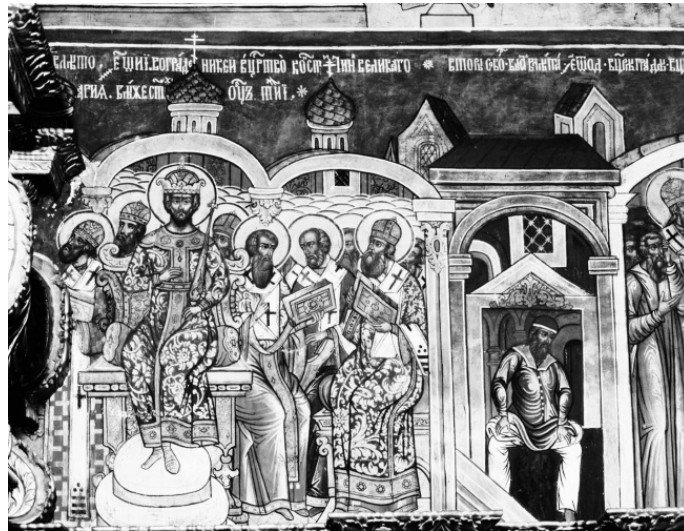
Значение Миланского эдикта в истории христианства невозможно переоценить. Впервые после почти трехсот лет гонений христиане получили право на легальное существование и открытое исповедание своей веры. Если раньше они были изгоями общества, то теперь они могли участвовать в общественной жизни, занимать государственные посты. Церковь получила право на приобретение недвижимости, строительство храмов, благотворительную и просветительскую деятельность. Изменение положения Церкви было столь радикальным, что Церковь навсегда сохранила благодарную память о Константине, провозгласив его святым и равноапостольным.

Св. равноап. Константин Великий. Византия, XIV век

Сразу же после легализации христианства Церковь начали потрясать новые расколы и ереси. *Донатистский* раскол возник в Африканской Церкви после того, как часть христиан отказалась признавать законным избрание карфагенского епископа Цецилиана. На место последнего нумидийские епископы рукоположили Доната, который и возглавил партию недовольных. Учение донатистов характеризовал крайний ригоризм: они, например, считали недопустимым принимать покаяние от лиц, отрекшихся от веры во время гонения, и ставили действительность таинств в зависимость от нравственного состояния священнослужителя. Донатизм был осужден на церковных Соборах в Риме (313) и Арле (314), однако донатисты подали апелляцию императору Константину. В 316 году император вызвал донатистов на суд и вновь

их учение было осуждено. После того как донатисты не подчинились решению церковной и светской власти, Константин приказал отобрать у них церкви и имущество, а главарей отправить в ссылку. Это был первое открытое вмешательство императора в сугубо церковный спор. Несмотря на репрессивные меры, предпринимавшиеся периодически в течение всего IV века и в первой четверти V века, донатизм просуществовал вплоть до VII века.

I Вселенский Собор. Сербия, Косово, монастырь Высокие Дечаны, XIV век

В начале IV века в Александрии возникла ересь *Ария* (256–336), пресвитера, утверждавшего, что только Бог Отец вечен и безначален, а Сын родился во времени и не совечен Отцу. «Было (время), когда не было Сына», подчеркивал Арий, доказывая, что Сын является одним из творений Божиих, всецело отличным от Отца и не подобным Ему по сущности. Учение Ария было осуждено на церковном Соборе в Александрии (ок. 320), однако ересь начала распространяться за пределы Александрии и вскоре достигла Константинополя. В 325 году император Константин созвал в Никее *I Вселенский Собор*, в котором приняло участие 318 епископов. Значение этого Собора заключается не только в том, что это было первое после окончания эпохи гонений столь представительное собрание епископов, но прежде всего в том, что на этом Соборе вера в Святую Троицу была сформулирована в тех терминах, в которых она сохранилась в Христианской Церкви на все последующие века. Символ веры Никейского Собора, начинающийся словами «Верую во единого Бога» и содержащий изложение православной триадологии, стал классическим выражением веры Церкви.

После Никейского Собора 325 года арианство не прекратилось. Наоборот, вторая и третья четверти IV века были временем распространения арианства и гонений на его противников, главным из которых был *святитель Афанасий, епископ Александрийский* (ок. 296–373). Четыре раза этот исповедник «единосущия», возглавлявший Церковь Александрии, лишался своего престола и отправлялся в изгнание, где занимался написанием сочинений против арианской ереси. Арианам потворствовала гражданская власть в лице императора

Константина, в последние годы своей жизни ставшего на их сторону, а также при его преемнике Констанции и при Валенте, императоре восточной части Римской империи.

В третьей четверти IV века главным экспонентом возрожденного арианства был *Евномий, епископ Кизический* († 398), говоривший о «не-рожденности» Отца как Его основном сущностном признаке и об «инаковости» Сына, Который не является нерожденным и, следовательно, не имеет никакого участия в Божестве. Сын, по Евномию, не произошел из сущности Отца, но сотворен Отцом: Он есть «порождение и творение» Отца, созданное из небытия. Опровержению этой ереси посвятили свои писания три великих каппадокийца – Василий Великий, Гри-

горий Богослов и Григорий Нисский, настаивавшие, вслед за Афанасием Александрийским и никейскими отцами, на единосущии и равенстве Отца, Сына и Святого Духа. Одной из заслуг великих каппадокийцев стала выработка той терминологии, которая помогла четко сформулировать единство и различия в Троице. В качестве ключевого был избран термин «ипостась», которым каппадокийцы обозначали личностное существование, в отличие от «сущности» – термина, которым обозначили онтологическую общность. Отец, Сын и Святой Дух суть три Ипостаси, равных и единосущных одна другой, то есть имеющих одну и ту же Божественную сущность.

Вторичное и окончательное осуждение арианства последовало на II Вселенском Соборе. Однако, прежде чем говорить о нем, необходимо сказать о ереси *Аполлинария Лаодикийского*, осужденной на Соборе в Александрии в 362 году. Аполлинарий следовал Никейскому Собору в исповедании Божества Сына, однако считал, что человеческая природа Сына не могла быть совершенной, так как две совершенные природы – одна неизменяемая (Божественная), другая изменяемая (человеческая) – не могли соединиться в одном Лице. На основе классического деления человеческого естества на ум, душу и тело, Аполлинарий утверждал, что у Христа не было человеческого ума, вместо которого был Божественный Логос. Учение Аполлинария предшествовало христологическим спорам V века.

II Вселенский Собор. Из Воскресенского собора в Тутаеве Ярославской епархии

Следует также упомянуть о попытке возрождения язычества императором *Юлианом Отступником* (331/332-363). Воспитанный в христианской вере, крещенный в юности и даже посвященный в степень чтеца, Юлиан тайно симпатизировал язычеству. Придя к власти в 361 году, он сделал свои симпатии явными и поставил целью восстановление язычества в качестве господствующей религии. В его планы не входило открытое и массовое гонение на Церковь, подобное тем, какие имели место в доконстантиновскую эпоху: Христианская Церковь стала достаточно крепкой, многочисленной и влиятельной, чтобы с ней можно было вступить в открытую борьбу. Юлиан избрал более прикровенную тактику. Летом 362 года он издал «Эдикт об учителях», целью которого было возбранить христианам преподавание в университетах и школах. Эдикт ставил своей целью нанесение удара по христианской интеллигенции, которая была все еще достаточно малочисленной. Трудно предположить, как бы развернулась деятельность Юлиана, если бы после непродолжительного царствования он не погиб в ходе военной кампании против персов.

Правление Юлиана стало последней в истории Римской империи попыткой реванша язычества. При Валенте, покровительствовавшем арианству, язычество вновь отступило на второй

план, а император Феодосий Великий (347–395) нанес по нему решающий удар, объявив его в 380 году вне закона и сделав христианство обязательной верой. В 381 году Феодосий созвал в Константинополе *II Вселенский Собор*, на котором было вновь осуждено арианство, а также ряд других ересей, в том числе монтанизм, аполлинарианство и савеллианство.

Осуждены были также «духоборцы», или *македоняне* (по имени епископа Константинопольского Македония), учившие, что Святой Дух не равен Отцу и Сыну и не является Богом. В период, предшествовавший Собору, учение о Святом Духе было предметом разногласия не только между арианами и защитниками Никейской веры, но и в среде последних. Василий Великий, например, из осторожности избегал называть Святого Духа Богом, за что его упрекал Григорий Богослов. Сам Григорий с ревностью защищал учение о Божестве Святого Духа на II Вселенском Соборе и после его окончания. Отцы II Вселенского Собора существенно расширили Никейский Символ веры, заменив лаконичное «И в Духа Святого» на: «И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца исходящего, с Отцом и Сыном поклоняемого и славимого, вещавшего через пророков». Однако в этих словах нет прямого утверждения о том, что Святой Дух является Богом. Отвергнув ересь пневматомахов и признав Духа равным Отцу и Сыну, участники Собора не пошли на то, чтобы внести утверждение о Божестве Святого Духа в Символ веры. Это утверждение стало общепринятым в православной триадологии уже после II Вселенского Собора.

Христологические споры

V век в истории христианства ознаменовался напряженными христологическими спорами, вызванными ересью *Нестория*, архиепископа Константинопольского. В своем учении Несторий опирался на христологическую доктрину *Феодора Мопсуестийского* (ок. 350–428), который ввел резкое разделение между Божественной и человеческой природами в Иисусе Христе: он говорил, в частности, о том, что Бог Слово «воспринял» человека Иисуса; безначальное Слово Божие «вселилось» в рожденного от Девы человека Иисуса; Слово жило во Христе, как в храме; Оно облеклось в человеческое естество, как в одежду; человек Иисус благодаря Своему искупительному подвигу и крестной смерти соединился со Словом и воспринял Божественное достоинство. Феодор, по сути, говорил о Боге Слове и человеке Иисусе как о двух субъектах, чье соединение в одном Лице воплощенного Сына Божия является не столько онтологическим, сущностным, сколько условным, существующим в нашем восприятии: поклоняясь Христу, мы объединяем два естества и исповедуем не «двух сынов», но одного Христа – Бога и человека.

Именно это учение легло в основу христологической доктрины Нестория, посвященного на Константинопольскую кафедру в 428 году. Вскоре после посвящения Несторий начал в проповедях оспаривать термин «Богородица», к тому времени прочно вошедший в употребление, на том основании, что Мария родила не Бога, а только человека, с которым соединилось Слово Божие, превечно рожденное от Отца; человек Иисус, рожденный от Марии, был только обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек, через наитие Духа Святого, стал Христом, то есть помазанником, и Слово Божие пребывало с ним в особом нравственном или относительном соединении. Несторий предлагал заменить термин «Богородица» на термин «Христородица». Против этого учения выступил святитель Кирилл Александрийский. Последний в своей полемике с несторианством настаивал на единстве Ипостаси Бога Слова: безначальное Слово есть то же самое Лицо, что и Иисус, родившийся от Девы; поэтому нельзя говорить о Слове и Иисусе как двух разных субъектах.

Христология Кирилла была подтверждена *III Вселенским Собором*, который был созван в Ефесе в 431 году. Собор сопровождался бурными спорами и прошел в отсутствии группы епископов из Антиохии, которые, прибыв на Собор с большим опозданием, не присоединились к

состоявшемуся на нем осуждению Нестория. В 433 году состоялось примирение антиохийских епископов с Кириллом Александрийским и была подписана догматическая формула, ставшая богословским итогом Ефесского Собора: в ней говорилось об Иисусе Христе как «совершенном Боге и совершенном человеке», Который «рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и спасения нашего – от Марии Девы по человечеству». Дева Мария названа в этом тексте Богородицей на основании «неслитного соединения» двух естеств в Иисусе Христе.

Осужденный Ефесским Собором Несторий был отправлен в ссылку в Египет, где и умер. Однако его учение, а точнее, христологическое учение Феодора Мопсуестийского, получило распространение за пределами Византийской империи – в персидской империи Сасанидов, где крупнейшая Христианская Церковь отказалась признать решения Ефесского Собора. Эту Церковь, именовавшуюся Церковью Востока, стали впоследствии называть несторианской, хотя Несторий не был ее основателем и не имел к ней прямого отношения. Церковь Востока сохранилась до наших дней: ее официальное название – Ассирийская Церковь Востока, численность ее членов составляет около 400 тысяч.

В 40-х годах V века распространилась новая христологическая ересь, получившая название *монофизитства*. Ее родоначальником был константинопольский архимандрит Евтихий, или Евтих, учивший, что в Иисусе Христе человеческая природа была полностью поглощена Божественной. В 448 году это учение было осуждено на Константинопольском Соборе во главе с архиепископом Константинопольским Флавианом, однако Евтихия поддержал александрийский архиепископ Диоскор, который добился созыва в Ефесе в 449 году нового Собора. Ефесский Собор 449 года, созванный императором Феодосием II (401–450) в качестве Вселенского, восстановил Евтихия в священстве и оправдал его учение. Ведущую роль на Соборе играл Диоскор Александрийский: его противники, в том числе Флавиан Константинопольский, были низложены. Акты Собора были утверждены императором, что, казалось бы, означало полную победу Диоскора. Однако легаты Римского Папы, присутствовавшие на Соборе, заняли сторону Флавиана Константинопольского и по возвращении в Рим донесли Папе Льву о состоявшемся оправдании Евтихия. Созванный в Риме Собор объявил постановления Ефесского Собора лишенными силы.

В 451 году в Халкидоне был созван новый Собор, вошедший в историю под именем *IV Вселенского*. Этот Собор признал Ефесский Собор 449 года «разбойничьим» и, вслед за Римским Собором, отменил все его решения, подтвердив осуждение Евтихия и низложив Диоскора. Халкидонский Собор, в котором участвовало 630 епископов, принял вероопределение, гласившее:

Следуя Божественным отцам, все единогласно учим исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в человечестве; истинно Бога и истинно человека, из души и тела; единосущного Отцу по Божеству и единосущного нам по человечеству; во всем нам подобного кроме греха; рожденного прежде веков от Отца по Божеству, в последние же дни ради нас и нашего спасения – от Марии Девы Богородицы по человечеству; одного и того же Христа, Сына, Господа, Единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого (так что нисколько не нарушается различие двух природ соединением, но сохраняются свойства каждой природы, соединяемой в одно Лицо и одну Ипостась); не рассекаемого или разделяемого на два лица, но одного и того же Сына, и единородного Бога Слова, Господа Иисуса Христа...³⁶

³⁶ Цит. по: Мейендорф И., *протп.* Введение в святоотеческое богословие. С. 319.

Выражения «неслитно, неизменно» в данном определении направлены против евтихианского монофизитства, а «нераздельно, неразлучно» – против несторианства. Однако некоторые Церкви усмотрели в халкидонском догмате шаг назад в сторону несторианства и отказались принять решения Халкидонского Собора. Особенно сильной была оппозиция Собору на окраинах Римской империи: в Египте, Сирии и Армении, а также за пределами империи, в частности в Персии. В Египте и Сирии наряду с епископами, признавшими Халкидон, образовались группы епископов, не признавших его. В Александрии противников Халкидонского Собора возглавил Тимофей Элур († 477), в Антиохии – Петр Гнафевс (ф488). Армянская Церковь также не признала Халкидонский Собор и в 506 году официально отвергла его. Так оформился первый великий раскол в истории христианства, сохранившийся до наших дней. В VI веке в Египте образовались две параллельные иерархические ветви, обе во главе с «Патриархом Александрийским и всея Африки»: одна признавала Халкидонский Собор, другая его отвергала. В грекоязычной Сирии христианство также разделилось на две ветви, каждую из которых возглавил свой «Патриарх Антиохийский и всего Востока». В Армении Церковь сохранила единство, но осталась на антихалкидонских позициях. В настоящий момент дохалкидонское христианство представлено несколькими Церквями на территории Армении, Египта, Эфиопии, Эритреи, Сирии, Айвана, Индии и в рассеянии. Совокупная численность членов этих Церквей – около 50 миллионов человек.

Хотя основная оппозиция Халкидонскому Собору сосредоточилась на окраинах Восточной Римской империи, в самом Константинополе отношение к Собору оставалось неоднозначным. Если императоры Маркиан (450–457) и Лев I (457–474) его поддерживали, то Зенон (474–475; 476–491) занял более осторожную позицию: пытаясь примирить монофизитов с диофизитами, он в 482 году издал «Энотикон» – общее изложение веры, в котором о Халкидонском Соборе умалчивалось. «Энотикон» был поддержан Константинопольским Патриархом Акакием († 488), однако Папа Римский Феликс III потребовал от Акакия ясного принятия Халкидонского Собора. Не добившись этого, он в 484 году на Римском Соборе низложил Акакия и отлучил его от Церкви. Так началась первая схизма между Константинополем и Римом, длившаяся 35 лет. Схизма продолжалась при императоре Анастасии I (491–518) и завершилась в 519 году, при императоре Юстине I (518–527), когда Константинопольский Патриарх Иоанн и легаты Римского Папы Гормизды совместно осудили всех отвергавших Халкидонский Собор. В 525 году Константинополь посетил Папа Римский Иоанн I, направленный в столицу империи королем остготов Теодорихом (ок. 454–526), который в то время владел Римом.

Император Юстиниан. Базилика Сан-Витале

Важную роль в истории Христианской Церкви на Востоке сыграл император Юстиниан I (527–565). Этот выдающийся правитель, в 336 году изгнавший из Рима остготов и в последний раз в истории восстановивший политическое единство Римской империи, стремился также восстановить ее религиозное единство. В 537 году он построил в Константинополе собор Святой Софии – самый величественный храм христианского Востока.

В 40-х годах VI века император инициировал пересмотр церковного отношения к ряду богословов, чье наследие оставалось предметом споров. В 542 году император издал эдикт, содержащий 10 анафематизмов против Оригена и последователей его учения. Этот эдикт был рассмотрен и одобрен на церковном Соборе в Константинополе в 543 году. Вместе с Оригеном были осуждены также писатели IV века Дидим Александрийский и Евагрий Понтийский, в чьих сочинениях усмотрели влияние оригенизма.

В 544 году Юстиниан издал новый эдикт, в котором осуждению были подвергнуты Феодор Мопсуестийский, а также возражения Феодорита Кирского (ок. 393 – ок. 460) против Кирилла Александрийского и «Письмо к Марию Персу» Ивы Едесского (V век). Этот эдикт состоял из трех глав, и его стали называть эдиктом «о трех главах» (три главы эдикта смешали с тремя епископами, которые в нем осуждались). Эдикт «о трех главах» был воспринят многими как удар по Халкидонскому Собору, поскольку затрагивал богословов, которые на этом соборе были оправданы. Лишь под угрозой низложения и ссылки этот эдикт подписали восточные патриархи. Однако императору необходимо было добиться подписи Папы Вигилия (537–555), для каковой цели папа был силой доставлен в Константинополь в 547 году. По прибытии в столицу папа сначала категорически отказывался подписывать под императорским эдиктом, однако под давлением василевса вынужден был согласиться. В 551 году Юстиниан издал новый эдикт «о трех главах», под которым папа категорически отказался подписывать. Опасаясь за свою жизнь, Вигилий скрылся в храме Святого Петра: там его пытались арестовать, но он отчаянно сопротивлялся. В конце концов папу посадили под домашний арест, где на него продолжали оказывать давление.

В такой обстановке в 553 году в Константинополе был созван *V Вселенский Собор*. Папа Вигилий отказался в нем участвовать, но прислал легатов. На Соборе был осужден Феодор Мопсуестийский и была повторена анафема против Оригена, Дидима и Евагрия. Что касается Феодорита Кирского и Ивы Едесского, то они не были осуждены: осуждению подверглись

только их сочинения, направленные против Кирилла Александрийского и учения III Вселенского Собора. Отцы Собора вычеркнули имя Папы Вигилия из диптихов на том основании, что в период, предшествующий Собору, он несколько раз менял свою позицию в отношении «трех глав». После Собора низложенный Вигилий и его единомышленники были сосланы. В конце концов Вигилий отказался от своего протеста против осуждения «трех глав» и признал решения Собора. Ему было разрешено вернуться в Рим, но по дороге он умер. Римская Церковь не признала низложение Папы Вигилия, однако признала V Вселенский Собор. Решающая роль в этом признании принадлежит преемнику Вигилия Папе Пелагию I (556–561), при котором отношения между Римом и Константинополем были нормализованы.

Константинопольский Собор 543 года и V Вселенский Собор стали первыми в истории Церкви Соборами, на которых были осуждены лица, умершие в мире с Церковью и не осужденные при жизни. Именно против этого главным образом возражал Папа Вигилий, когда отказывался подписывать осуждение Феодора Мопсуестийского, не отказываясь осудить те его писания, в которых усматривалось несторианство. Вынося вердикт против Феодора Мопсуестийского и сочинений Феодорита и Ивы, Юстиниан имел целью вернуть к единству те монофизитские Церкви, которые продолжали не признавать Халкидонский Собор, считая его несторианским. Этой цели Юстиниан не достиг, так как монофизиты остались на своих позициях.

Юстиниан вошел в историю Церкви как благочестивый император, стремившийся осуществить идеал симфонии между Церковью и государством. Этот идеал отражен в Шестой новелле Юстиниана, где говорится о том, что священство и царство – два величайших блага, установленных Богом, и что между ними должно быть единение и сотрудничество. Свою миссию император видел в заботе о хранении догматов и единства Церкви, а миссию Церкви – в том, чтобы направлять общественную жизнь по богоугодным путям. На практике, однако, забота императора о чистоте догматов выражалась в том, что он принимал решения по тем или иным вопросам доктрины, издавал эдикт, а потом уже епископы должны были подписываться под ним. Речь шла, по сути, о весьма грубом вмешательстве государства в дела Церкви. Это вмешательство продолжалось и при преемниках Юстиниана и во многом определило последующую историю Христианской Церкви на Востоке.

Под конец жизни Юстиниан издал эдикт в защиту еретического учения Юлиана Галикарнасского († после 518) о нетленности тела Христова. Суть учения заключалась в том, что плоть Бога Слова была неподвержена тлению. В позднейшей литературе последователи Юлиана получили название афтартодокетов («нетленноумителей»), поскольку их обвиняли в том, что, по их представлениям, человеческая природа Христа не была полноценной и страдания Спасителя на кресте имели призрачный характер. Патриарх Константинопольский Евтихий отказался подписать еретический эдикт Юстиниана, за что был отправлен в ссылку. Преемник Юстиниана Юстин II (565–578) предал эдикт забвению.

Новая волна христологических споров возникла при императоре Ираклии (610–641), который вошел в историю как один из самых блестящих византийских василевсов, добившийся нескольких крупных военных и дипломатических побед в ту эпоху, когда Византии угрожали персы, арабы и гунны. В своей религиозной политике император преследовал те же цели, что и Юстиниан, стремясь вернуть к послушанию монофизитское население империи, в среде которого в результате постоянных гонений укрепилось резко отрицательное отношение к императорской власти, что делало монофизитов потенциальными союзниками врагов Византии и угрожало безопасности империи. Новой формой компромисса с монофизитами стало *монофелитство*, идейным предшественником которого был *моноэнергизм*. Не отрицая наличие двух природ в едином Христе, моноэнергиты учили, что во Христе человеческое действие было полностью поглощено Божественным, тогда как монофелиты говорили о поглощении человеческой воли Христа Божественной волей. В разработке монофелитской доктрины приняли участие Патриарх Александрийский Кир, Патриарх Константинопольский Сергей и Папа Рим-

ский Гонорий. Святой Софроний, Патриарх Иерусалимский, несмотря на свой преклонный возраст, успел выразить протест против новой ереси³⁷.

Преемник Ираклия император Констанс (641–668) активно поддерживал монофелитов. В период его правления главными оппонентами монофелитства были Папа Римский Мартин на Западе и константинопольский монах Максим на Востоке. Папа Мартин осудил монофелитство на Латеранском Соборе 649 года. *Максим Исповедник* в своих сочинениях развивал учение о том, что во Христе сосуществовали две воли – Божественная и человеческая, так же как и два действия. Однако, в отличие от прочих людей, у которых наличие воли означает наличие выбора между добром и злом, человеческая воля Христа была всегда направлена только к добру и потому находилась в гармонии с Божественной волей. Две воли и два действия во Христе пребывали в состоянии «взаимопроникновения» (*perichoresis*). За исповедание учения о двух волях Христа оба исповедника – и Папа Мартин, и святой Максим – были подвергнуты репрессиям со стороны императора Констанса, который поддерживал еретиков. Папа Мартин был схвачен и вывезен в Константинополь, где над ним в 655 году учинили суд и приговорили к изгнанию: в том же году он умер в ссылке в Херсонесе. Тогда же был осужден и отправлен в ссылку Максим Исповедник. В 662 году Максим был привезен в столицу, повторно судим, подвергнут бичеванию, отсечению руки и языка, после чего отправлен в ссылку, где вскоре скончался.

Однако *VI Вселенский Собор*, созванный в 680–681 годах, при императоре Константине Погонате (654–685), осудил монофелитство, издав следующее вероопределение: «Проповедуем также, по учению святых отцов, что в Нем и две естественные воли или хотения, и два естественные действия нераздельно, неизменно, неразлучно, неслитно. И два естественные хотения не противоположенные одно другому, как говорили нечестивые еретики, – да не будет! Но Его человеческое хотение не противоречит и не противоборствует, а следует, или, лучше сказать, подчиняется, Его Божественному и всемогущему хотению». Когда император поставил подпись под этим определением, епископы воскликнули: «Многие лета императору! Ты разъяснил совершенства двух природ Христа Бога! Ты разогнал всех еретиков!»³⁸ Торжество православия было вновь скреплено подписью императора.

Иконоборческий спор

Последний великий спор эпохи Вселенских Соборов относится к VIII–IX векам, когда Византия из могущественной империи превратилась в небольшое государство, теснимое с разных сторон арабами и варварами. Предметом спора было почитание икон, против которого выступил император Лев Исавр (716–741). В 726 и 730 годах им были изданы эдикты, запрещающие иконопочитание³⁹. Папа Римский Григорий II и Патриарх Константинопольский Герман отказались подчиниться императорской воле. В 727 году Папа созвал в Риме Собор, подтвердивший иконопочитание. Патриарх же за отказ подписаться под эдиктом был смещен, низложен и сослан. На его место был избран патриарх-иконоборец Анастасий (730–753). Наиболее агрессивная фаза *иконоборчества* приходится на время правления Константина Копронима (741–770), который вошел в историю как жестокий гонитель иконопочитателей. В 754 году император созвал в Константинополе собор, на котором 338 епископов подписались под иконоборческим вероопределением. После собора гонения с особой силой обрушились на монашество, которое, в отличие от епископата, твердо стояло за иконопочитание: многие монахи стали исповедниками и мучениками.

³⁷ См.: Лосский В. Н. Догматическое богословие. М., 1991. С. 274.

³⁸ Понсов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1055 г.). Брюссель, 1964. С. 454.

³⁹ Некоторые ученые считают, что был только один эдикт – 730 года.

Идейная подоплека и причины возникновения иконоборчества не вполне ясны: возможно, оно было вдохновлено набиравшим силу исламом, в котором запрещены изображения людей, допускаются только изображения зверей и птиц, а также орнаментальная живопись. В народной среде имели место злоупотребления культом святынь и отношение к иконе как предмету, наделенному магической силой (иконы брали в восприемники при крещении, в евхаристическое вино подмешивали краску, соскобленную с икон, и пр.). Однако иконоборчество отвергло не только злоупотребления, но и саму идею священного изображения Бога Слова, Божией Матери или святого. Недопустимость изображения Христа иконоборцы объясняли тем, что Христос одновременно Бог и человек, тогда как на иконе можно изобразить только Его человеческое естество. Иконоборцы также апеллировали к ветхозаветному запрету на изображения и поклонение кумирам (Исх. 20, 4–5).

VII Вселенский Собор. Фреска храма Спаса Преображения на Песках в Москве

Идейным противником иконоборчества стал преподобный *Иоанн Дамаскин* (ок. 676 – ок. 754), который вскоре после появления эдикта 726 года составил три трактата против иконоборцев. В них он доказывал, что ветхозаветная традиция не допускала изображение Бога, поскольку Бог невидим: когда же Бог сделался видимым, восприняв человеческую плоть, Его можно и должно изображать. Поклонение иконам не имеет ничего общего с идолопоклонством, так как материальному образу воздается поклонение (*prosky nesis*), которое восходит к нематериальному первообразу, которому надлежит воздавать богослужебное почитание (*latreia*).

Бестелесный и не имеющий формы Бог некогда не был изображаем никак, – писал святой Иоанн. – Теперь же, когда Бог явился во плоти и обитал среди людей, я изображаю видимую сторону Бога. Не поклоняюсь материи, но поклоняюсь Творцу материи, сделавшемуся ради меня материальным, благоволившему поселиться в материи и через посредство материи

осуществившему мое спасение, и не перестану почитать материю, чрез которую осуществлено мое спасение⁴⁰.

Учение Иоанна Дамаскина легло в основу догматического определения *VII Вселенского Собора*, созванного в 787 году в Никее в царствование императрицы Ирины (775–802). Собор постановил:

...хранить без нововведений все, Писанием или без Писания установленные для нас церковные Предания, одно из которых есть иконного живописания изображение как согласное евангельской проповеди и служащее нам ко уверению истинного, а не воображаемого воплощения Бога Слова... Подобно изображению Честного и Животворящего Креста, полагать во святых Божиих церквях, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях честные и святые иконы, написанные красками и сделанные из мелких камней или всякого другого соответствующего цели вещества, будь то иконы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или Непорочной Владычицы нашей Пресвятой Богородицы, или честных ангелов и всех святых и преподобных мужей. Ибо, чем чаще они бывают нам видимы через изображение на иконе, тем чаще, созерцая их, мы подвигаемся вспоминать и любить первообраз, чувствовать их лобзанием и почитательным поклонением, не истинным служением богочитания, которое по вере нашей приличествует только одному Божественному естеству но таким же почитанием, которое мы воздаем изображению Честного и Животворящего Креста, святому Евангелию и прочим святыням через приношение фимиама и поставление свечей согласно благочестивому обычаю древних. Ибо честь, воздаваемая образу, относится к его первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней⁴¹.

После VII Вселенского Собора гонения на иконопочитателей возобновились при императоре Льве V Армянине (813–820), который в 815 году добился низложения Патриарха Константинопольского Никифора и замены его на патриарха-иконоборца Феодора Каситера. Был созван собор епископов для осуждения VII Вселенского Собора и признания Вселенским собора 754 года, осудившего иконопочитание. После этого гонение на иконопочитателей приобрело еще больший размах, чем при Константине Копрониме. Главным оппонентом иконоборцев после низложения Патриарха Никифора стал игумен Студийского монастыря в Константинополе преподобный *Феодор Студит*, устроивший на Вербное воскресенье 815 года крестный ход с иконами: в шествии приняло участие около тысячи монахов. Феодор Студит был отправлен в ссылку десятки епископов и монахов были сосланы, замучены или казнены. Гонения продолжились при императорах Михаиле II (820–829) и Феофиле (829–842).

⁴⁰ *Иоанн Дамаскин*. Первое защитительное слово против порицающих святые иконы 16.

⁴¹ Цит. по: *Успенский Л.* Богословие иконы в Православной Церкви. Париж, 1989. С. 102.

Феодор Студит и Стефан Новый. Часовня Николая Чудотворца, Сербия, Косово, монастырь Грачаница, XIV век

Эпоха иконоборчества закончилась со смертью императора Феофила. В 843 году его жена Феодора прекратила гонение и вернула из ссылки исповедников иконопочитания. Патриаршую кафедру в Константинополе занял святой Мефодий († 847), пострадавший во время гонения. В первое воскресенье Великого поста, 11 марта 843 года, восстановление иконопочитания было торжественно провозглашено в соборе Святой Софии. С тех пор вплоть до настоящего времени Православная Церковь отмечает этот день как Торжество православия.

Иконоборческий спор, завершившийся торжеством православия, был не просто спором о декоративной стороне церковной жизни, это не был обрядовый спор. Иконоборчество посягнуло на весь сложившийся в течение семи веков духовный строй Христианской Церкви на Востоке.

Иконоборчество было связано с общим обмирщением Церкви, с расцерковлением всех сторон ее жизни, – пишет Л. Успенский. – Внутренний ее строй был насильственно нарушен вторжением светской власти, храмы были наводнены мирскими изображениями, богослужение было искажено мирской музыкой и поэзией. Поэтому, защищая икону, Церковь тем самым защищала не только самую основу христианской веры – Боговоплощение, но и самый смысл своего бытия, боролась против своего растворения в стихиях мира⁴².

Потому и победа Церкви над иконоборчеством означала не победу над отдельной ересью, а победу православия как такового⁴³.

В эпоху иконоборчества произошла первая богословская «встреча» христианства с новой религией, зародившейся в аравийских степях, – магометанством. Основатель этой религии Магомет (Мухаммед) умер в 632 году, однако его последователи продолжили начатую им военную кампанию и создали на отвоеванных у персов и византийцев территориях Арабский халифат, который к середине VII века включал Персию, Палестину, Сирию и Египет. Византия почувствовала на себе военную мощь ислама еще при императоре Ираклии, однако только в эпоху иконоборчества в Византии началось осмысление магометанства как религиозного феномена. Одним из первых византийских богословов, обративших внимание на ислам, был преподобный Иоанн Дамаскин, включивший ислам в составленный им список христианских ересей:

Есть еще и донныне господствующий, служа предтечей антихриста, блуждающий народ, тень измаилитов. Он происходит от Измаила, рожденного

⁴² Успенский Л. Богословие иконы в Православной Церкви. С. 111.

⁴³ См.: Там же. С. ИЗ.

Авраамом от Агари, поэтому они называются агарянами и измаилитами... Они идолослужили и поклонялись утренней звезде и Афродите, которую на своем языке называли «хабар», что значит «великая». Итак, до времени Ираклия сарацины явно идолослужат; от его же времени и доселе у них появился лжепророк, называемый Магометом. Он случайно познакомился с Ветхим и Новым Заветом, разным способом побеседовал будто с арианским монахом и затем составил собственную ересь. Расположив к себе народ видом благочестия, он пустословит, что ему ниспослано с неба писание. Написав в своей книге некоторые измышления, достойные смеха, он передал ее им для почитания⁴⁴.

В приведенном отрывке Дамаскин, вероятно, имеет в виду традиционное арабское приветствие «Аллах акбар», трактуя его в терминах поклонения Афродите⁴⁵. Хотя в дальнейшем изложении Дамаскин пересказывает несколько сур Корана, в целом его знания об исламе достаточно поверхностны. В отдельном сочинении под названием «Беседа христианина с сарацином» Дамаскин вновь полемизирует с исламом, однако и в этом сочинении ислам представлен скорее как искажение христианства, чем как самостоятельная религия, требующая серьезного изучения.

Значение Вселенских Соборов в истории христианства

Значение эпохи Вселенских Соборов для Христианской Церкви заключается прежде всего в том, что эта эпоха стала временем окончательного формулирования православного вероучения. Процесс становления и развития вероучения начался уже в апостольские времена, и уже в Посланиях апостола Павла мы находим все основные элементы христианского богословия, в частности учение о Христе как Сыне Божиим, учение о Церкви. Этот процесс продолжился в писаниях мужей апостольских и в сочинениях отцов и учителей Церкви II–III веков. И все же именно на Вселенских Соборах IV века православное учение о Троице получило законченный вид; именно в ходе христологических споров V–VII веков окончательно сформировалась православная христология; и именно иконоборческий спор подвел итог развитию православного богословия в течение первых восьми веков существования Церкви.

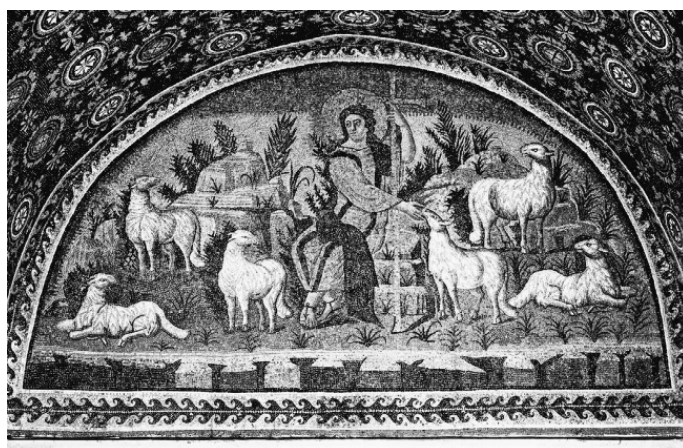
Вселенские Соборы, несмотря на все сопутствующие негативные обстоятельства, несмотря на вмешательство императора, придворные и межцерковные интриги, несмотря даже на взаимные отлучения и расколы, следовавшие за некоторыми Соборами, были моментами торжества церковной истины. Определения Вселенских Соборов начинались формулой «Изволися Духу Святому и нам...», указывающей на совместное творчество (синергию) Святого Духа и людей в выработке догматических формулировок, и догматы Вселенских Соборов в Православной Церкви всегда признавались как богодухновенные и не подлежащие пересмотру. Важно отметить, что все семь Вселенских Соборов происходили на Востоке, однако в них принимали участие представители Западной Церкви в лице легатов римского Папы и догматические решения Соборов одобрялись Церковью на Западе. Таким образом, Восточная Церковь вносила решающий вклад в формирование богословия всей Вселенской Церкви.

Каждый Вселенский Собор был ответом на ту или иную ересь, потрясавшую Церковь в конкретный исторический период ее бытия. Но оказывалось, что ереси становились движущей силой развития православного богословия. Именно в ответ на ереси, каждая из которых бросала вызов Церкви, ее вероучению и ее духовному строю, богословы находили те точные формулировки, которые ложились в основу православного догматического Предания.

⁴⁴ Иоанн Дамаскин. О ересях 101.

⁴⁵ Ср.: Мейендорф И., *протп.* Введение в святоотеческое богословие. С. 373.

В эпоху Вселенских Соборов сформировалось православное каноническое право. Каждый Собор помимо догматических вопросов рассматривал также дисциплинарные вопросы и издавал канонические определения. Так закладывалась основа церковного канонического устройства, которое со времен Вселенских Соборов оставалось неизменным. Канонические правила остались от первых четырех Вселенских Соборов, а также от VII Собора. Что касается V и VI Соборов, то они не издавали канонических определений, потому в 692 году в Константинополе был созван специальный Собор, посвященный каноническим вопросам: он получил название Пято-Шестого. Каноническое право Православной Церкви включает помимо правил Вселенских Соборов также каноны некоторых Поместных Соборов, в том числе тех, чья догматическая позиция не была принята Церковью (а именно Гангрского Собора ок. 340 года, Антиохийского Собора 341 года).

Пастырь Добрый. Мавзолей Галлы Плацидии

Эпоха Вселенских Соборов была периодом формирования церковно-государственных отношений. Эти отношения со времен императора Константина складывались непросто. Принцип симфонии между Церковью и государством был заложен уже в царствование Константина, он был окончательно сформулирован в эпоху Юстиниана и подтвержден в «Эпанагоге», составленной в конце IX века от имени императора Василия I († 886) и его сыновей. В этом документе царь и патриарх представлены как две равные величины, причем о царе говорится, что он должен быть «отличнейшим в православии и благочестии», «сведущим в догматах о Святой Троице и в определениях о спасении через воплощение Господа нашего Иисуса Христа», а о патриархе – что он должен без смущения говорить перед лицом царя о правде и защите догматов, и что он «один только должен толковать правила древних и определения святых отцов и положения Святых Соборов»⁴⁶. На практике, однако, симфонией всегда дирижировал император, а не патриарх и воля императора навязывалась Церкви как обязательная для исполнения – не только в дисциплинарных, но и в догматических вопросах. Если император становился на сторону православия, епископы могли со спокойной совестью подписываться под его эдиктами; если же император склонялся к ереси, для Церкви наступали тяжелые времена и несогласные с царской волей подвергались репрессиям и казням.

К прискорбию, однако, слишком часто в истории Византии епископы соглашались с императором даже в тех случаях, когда совесть должна была бы поставить их на путь гражданского неповиновения. Более того, одни и те же епископы ставили свои подписи и под еретическими, и под православными решениями. Поражает число архиереев-оппортунистов. В «разбойничьем» соборе 449 года участвовало 135 епископов, а в иконоборческом соборе 754

⁴⁶ Цит. по: Шмеман А., *протт.* Исторический путь Православия. С. 259–260.

года – 338. Многие из тех, кто подписывал православное вероопределение на православном Соборе, подписывали еретические документы на «разбойничьих» соборах; и наоборот: поддавшиеся давлению еретиков приносили покаяние на православных Соборах. Этот оппортунизм церковной иерархии, проявившийся с особой яркостью в иконоборческую эпоху привел к падению авторитета епископов в глазах простых верующих и способствовал повышению авторитета монашествующих. Во многих случаях, когда иерархи оказывались не на высоте своего сана, именно на плечи монахов ложилась миссия защиты православия (достаточно вспомнить Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина и Феодора Студита).

Каков канонический статус Вселенского Собора в истории Церкви? В православной среде широко распространено мнение о том, что Вселенский Собор является высшим органом власти в Церкви, которому подчинены Поместные Соборы и предстоятели местных Православных Церквей. Нередко различие между Западной и Восточной Церквами видят в том, что в Западной Церкви высшая власть сосредоточена в руках римского папы, тогда как в Восточной она принадлежит Вселенскому Собору. Это понимание не соответствует исторической действительности. Вселенские Соборы никогда не являлись высшим органом власти в Православной Церкви. В течение почти трех столетий до созыва I Вселенского Собора Церковь вообще не знала, что такое Вселенский Собор; в течение двенадцати веков, протекших со дня окончания VII Собора, Православная Церковь живет без Вселенских Соборов. Основная роль Вселенских Соборов в IV–VIII веках заключалась в опровержении той или иной ереси, волновавшей в данный момент православную экумену (вселенную). Не следует думать, будто Христианская Церковь в IV–VIII веках жила «от Собора до Собора». Вселенские Соборы созывались нерегулярно, с перерывами в 20, 50, 100 и более лет. При необходимости каждая местная Церковь, будь то в Риме, Константинополе, Антиохии, Кесарии Каппадокийской или другом городе, не дожидаясь созыва Вселенского Собора, решала текущие вопросы на своих Поместных Соборах, которые выносили решения, становившиеся обязательными для данной Церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.